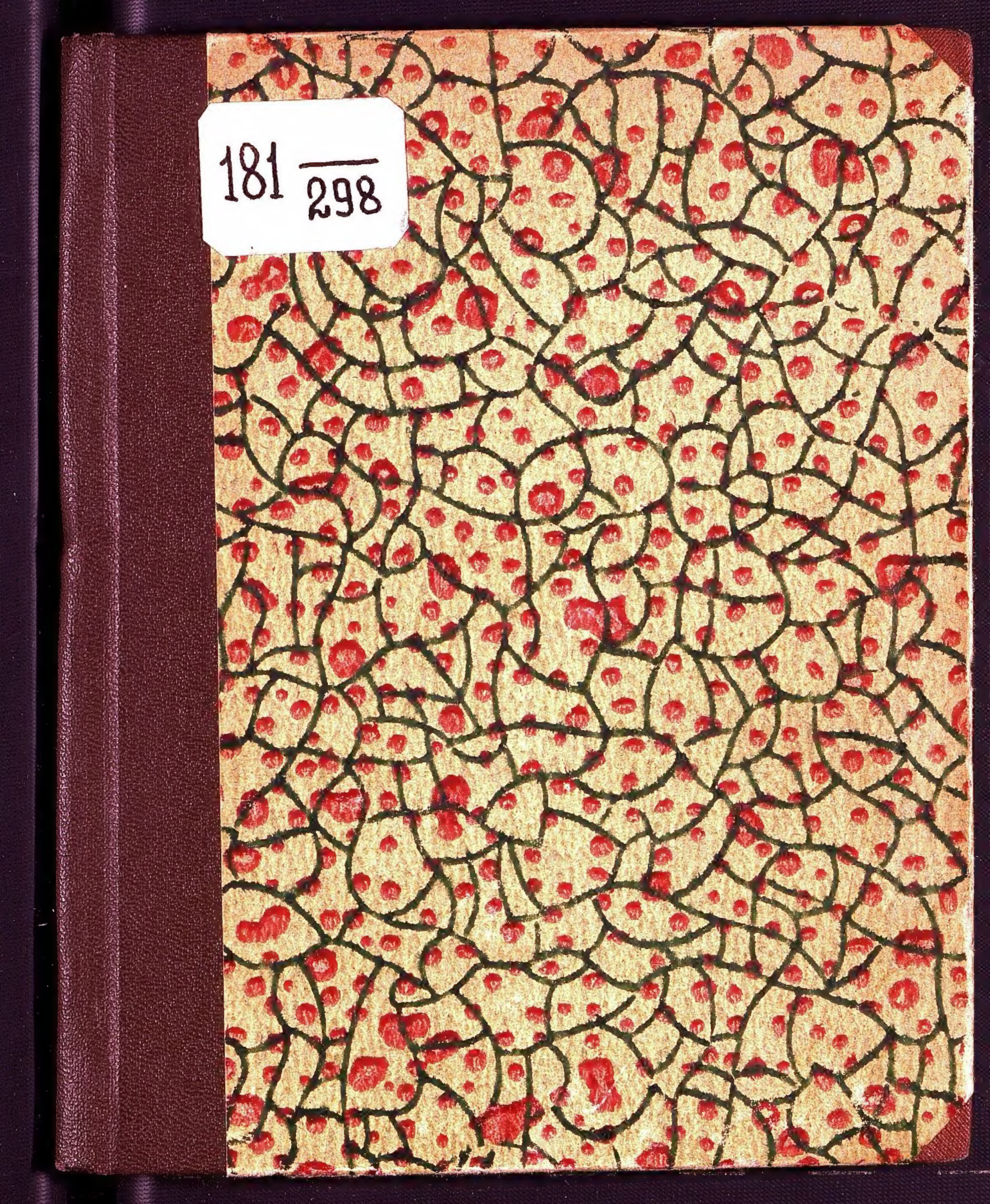
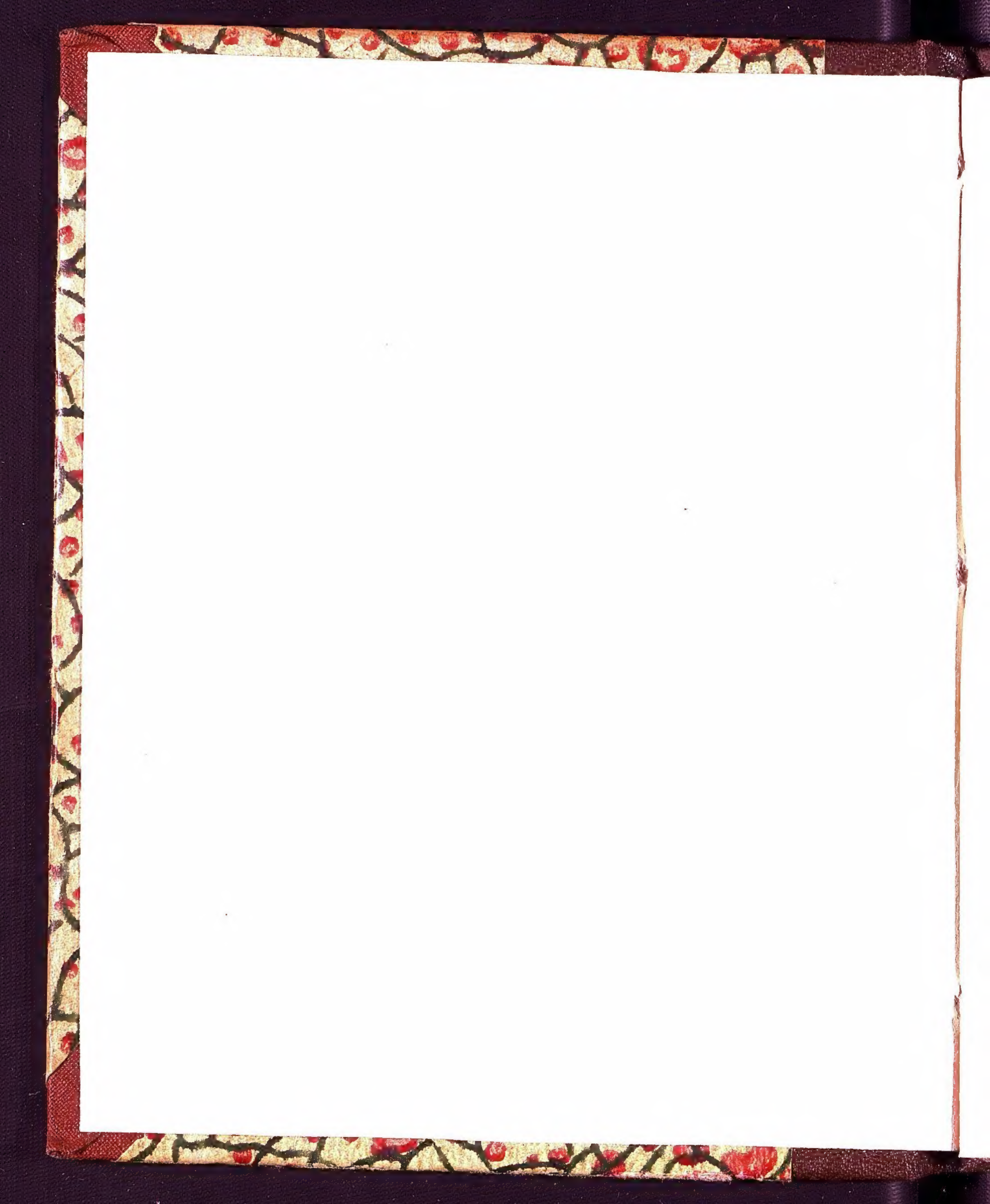
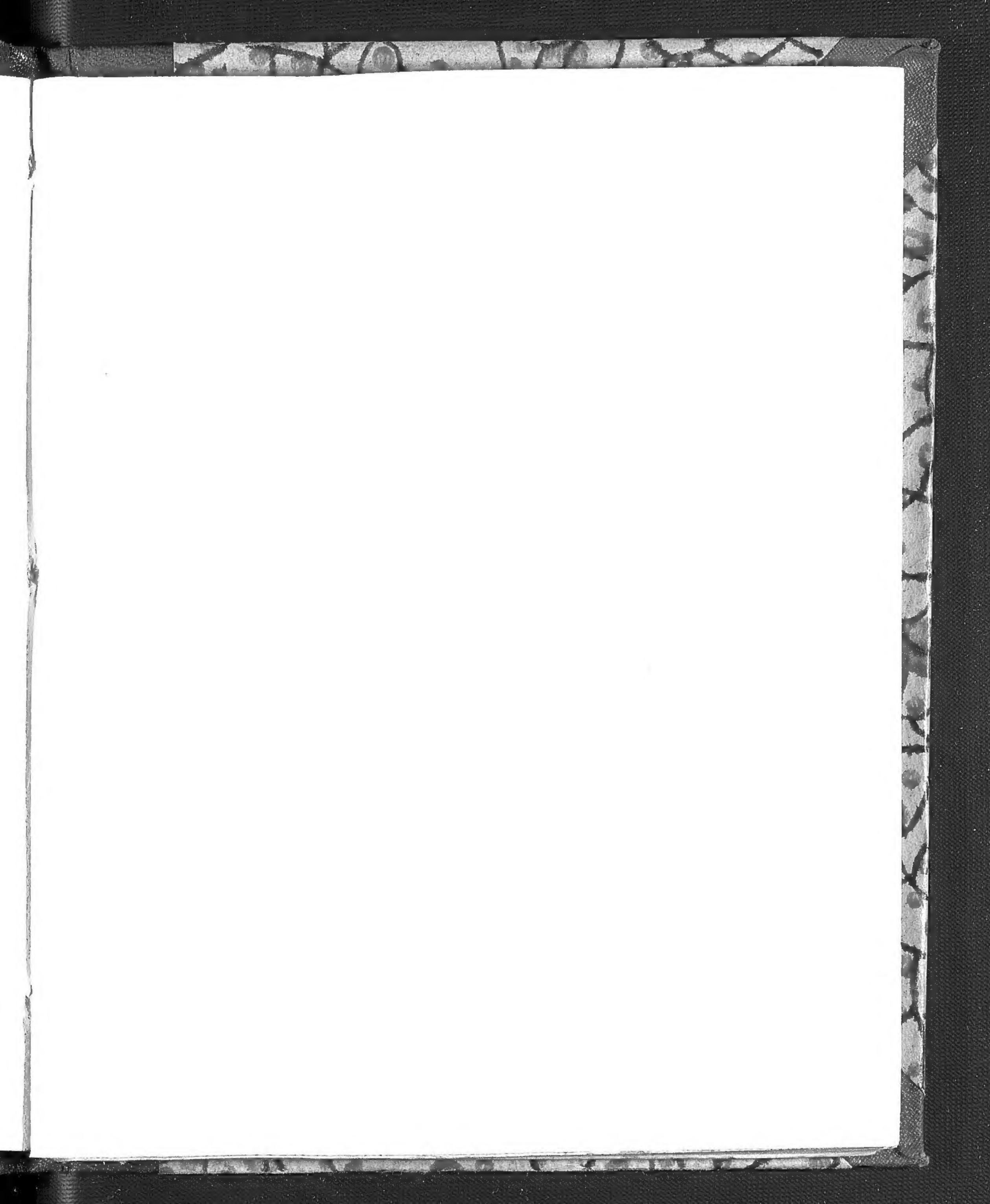

181 298

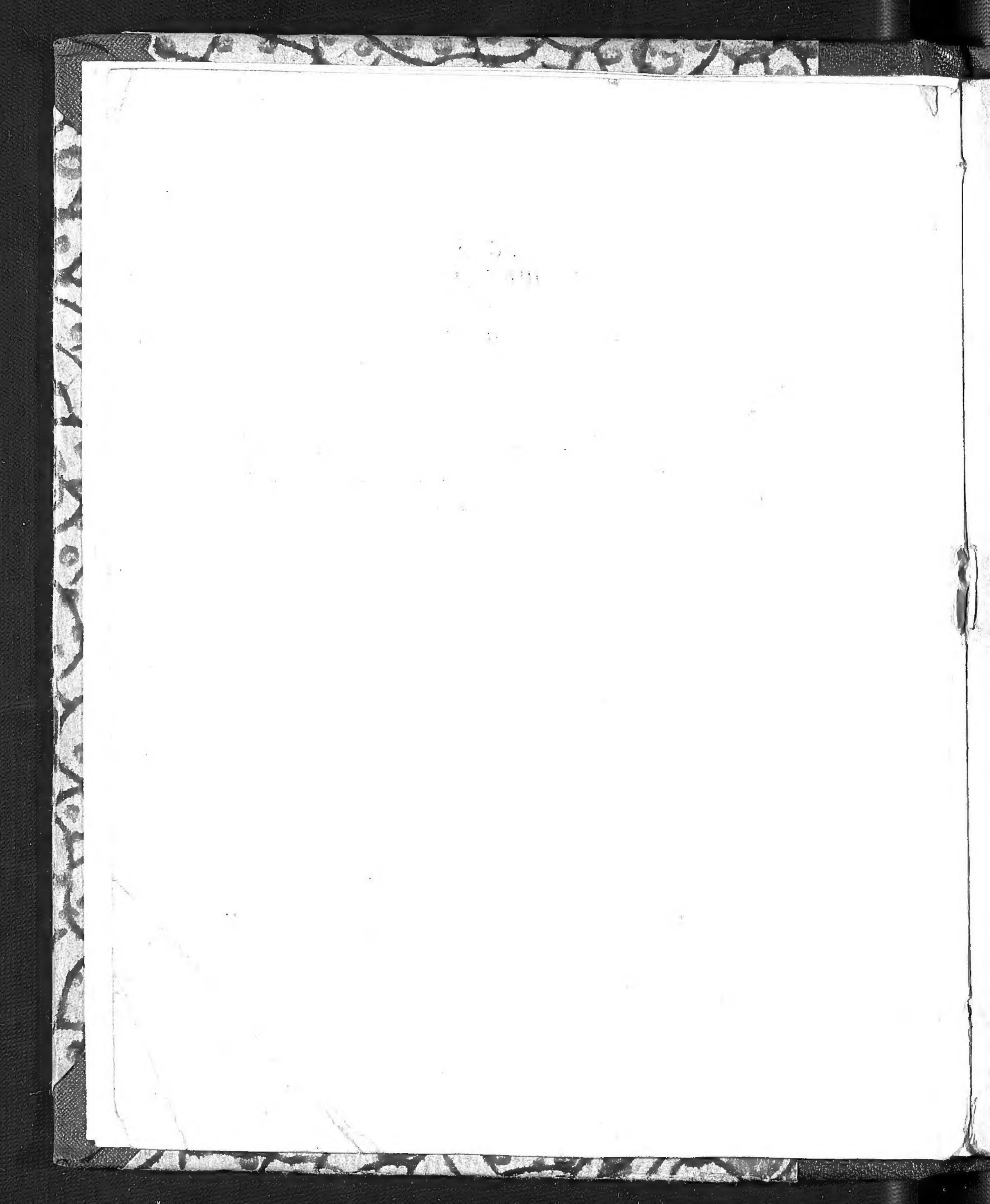

А. ШЕФЕР

ОРГАНЫ „САМОУПРАВЛЕНИЯ“ ЦАРСКОЙ РОССИИ

ОБЛГИЗ · КУЙБЫШЕВ · 1939

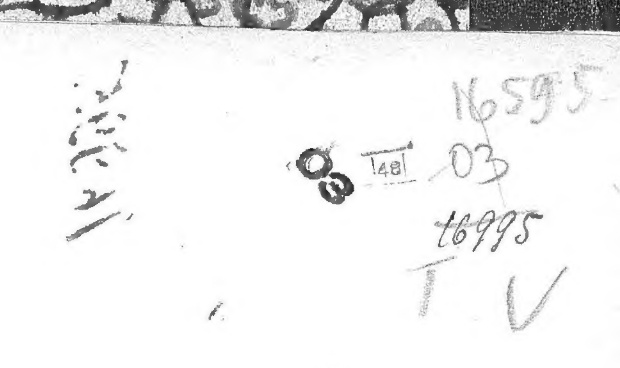
В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ И ПРОПАГАНДИСТУ

А. ШЕФЕР

ОРГАНЫ „САМОУПРАВЛЕНИЯ“ ЦАРСКОЙ РОССИИ

КУЙБЫШЕВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1939

Автор в популярной форме рассказывает о земских и городских органах «самоуправления» в царской России, в частности в Самарской и Симбирской губерниях. Большое место в брошюре отведено описанию выборных махинаций, а также «деятельности» земства и городских дум. В брошюре приводится ряд выдержек из фельетонов М. Горького, разоблачавшего самарских «отцов города».

Брошюра составлена на основе материалов, хранящихся в куйбышевском и ульяновском архивах.

Рассчитана на широкий круг читателей.

СИЛА СОВЕТСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

В 1936 году на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР была принята новая Конституция, творцом которой является товарищ Сталин. Принятие Сталинской Конституции означало поворот в политической жизни нашей страны. Советская демократия сделала гигантский шаг вперед. Грандиозные победы социализма, одержанные советским народом под руководством партии Ленина—Сталина, дали возможность отказаться от ограничений избирательного права и ввести всеобщие выборы, заменить не вполне равные и многостепенные выборы равными и прямыми, обеспечив избирателям тайну голосования.

Прошедшие на основе Сталинской Конституции выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик показали всему миру силу советской демократии. Ни в одной капиталистической, даже так называемой демократической стране выборы не проходят в условиях такого подъема и морально-политического единства народа, как в нашей стране. Во время выборов партия большевиков выступила в блоке с беспартийными. Этот блок одержал невиданную победу. Все кандидаты, выдвинутые блоком, были избраны депутатами верховных органов советских республик. Советские избиратели единодушно отдали свои голоса за лучших людей страны, за великое и непобедимое дело Ленина—Сталина, за дело коммунизма.

В своем историческом докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин следующим образом охарактеризовал выборы в верховные органы нашей страны: «Что касается самих выборов в верховные органы страны, то они послужили блестящей демонстрацией того самого единства советского общества и

той самой дружбы народов СССР, которые составляют характерную особенность внутреннего положения нашей страны. Как известно, на выборах в Верховный Совет СССР в декабре 1937 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало почти 90 миллионов избирателей, т. е. 98,6 процента всех принимавших участие в голосовании, а на выборах в Верховные Советы союзных республик в июне 1938 г. за блок коммунистов и беспартийных голосовало 92 миллиона избирателей, т. е. 99,4 процента всех принимавших участие в голосовании.

Вот где основа прочности советского строя и источник неиссякаемой силы Советской власти».

Победа сталинского блока на выборах в верховные органы нашей страны еще более укрепила советскую демократию. Сила и мощь советского строя были наглядно продемонстрированы во время событий у озера Хасан. Наглые агрессоры, зарившиеся на советскую землю, на своей шкуре испытали могущество сталинского блока коммунистов и беспартийных. Свободный и независимый советский народ показал всему миру готовность защищать великие завоевания социализма, закрепленные Сталинской Конституцией.

Введение новой Конституции привело к перестройке всех органов государственной власти СССР. Эта перестройка, начавшаяся с верховных органов страны, завершается перестройкой местных органов советской власти.

«Положение о выборах в краевые, областные, окружные, районные, городские, сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся РСФСР» составлено в духе великих принципов Сталинской Конституции. Каждая статья Положения проникнута сталинской заботой о советском избирателе, о том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для осуществления его прав. Выборы депутатов в местные органы советской власти будут проходить на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании. Все граждане нашего государства, достигшие 18 лет, имеют право участвовать в выборах и быть избранными.

Какие бы то ни было ограничения расового, национального, религиозного, социального, имущественного порядка чужды

советской избирательной системе. Женщина пользуется правом избирать и быть избранной наравне с мужчиной. Ничто не мешает избирателям страны социализма осуществлять свои законные права.

Нет и не может быть ничего общего между советской избирательной системой и той избирательной механикой, которая существовала когда-то в царской России и существует в капиталистических странах.

Товарищ Сталин, выступая 11 декабря 1937 года на предвыборном собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы, сказал:

«Всеобщие выборы проходят и имеют место и в некоторых капиталистических странах, так называемых, демократических. Но в какой обстановке там проходят выборы? В обстановке классовых столкновений, в обстановке классовой вражды, в обстановке давления на избирателей со стороны капиталистов, помещиков, банкиров и прочих акул капитализма. Нельзя назвать такие выборы, даже если они всеобщие, равные, тайные и прямые, вполне свободными и вполне демократическими выборами».

Демократия, которой кичатся буржуазные страны, на деле является сплошным обманом трудящихся. Наряду со всевозможными ограничениями, открыто провозглашаемыми в избирательном законе, господствующие классы этих стран прибегают и к негласным приемам (подкуп, насилие над волей избирателей, фальсификация выборов и т. д.) с целью избрания своих людей во все государственные учреждения и органы местного самоуправления. Ленин писал о буржуазной избирательной системе:

«Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений, и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения да ограничения

демократизма... в сумме взятые эти ограничения исключают, выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии».*

Так выглядят выборы в капиталистических странах и в наше время. В еще более худших условиях, в обстановке сплошных ограничений и полицейского террора проходили так называемые выборы в Государственную думу и органы местного «самоуправления» старой России.

Пламенный пролетарский трибун, погибший от руки эсеровских террористов, Володарский в одном из своих выступлений сказал: «Два глаза вон тому, кто забудет прошлое». В этих гневных словах — большая правда. Советский народ, пользующийся всеми радостями, всеми благами свободной и независимой жизни, должен знать, что эти блага не упали с неба, а являются результатом упорной, самоотверженной борьбы лучших людей с проклятым буржуазно-помещичьим строем.

Враждебные советскому строю буржуазные государства пытались и пытаются восстановить капитализм в нашей стране, вернуть все то проклятое прошлое, которое давило народы нашей родины в течение столетий. С помощью презренных наймитов, троцкистско-бухаринских и националистических бандитов они хотели ликвидировать завоевания Октябрьской революции, посадить на шею рабочих и крестьян капиталистов и помещиков, обратить наш народ в рабов. Их планы провалились, но мы должны знать, что́ готовили эти банды советскому народу. Мы должны знать и помнить об ужасах прошлого, которое агенты буржуазии хотели возродить в нашей стране.

ЗЕМСТВА И ГОРОДСКИЕ ДУМЫ

В дореволюционной России трудящиеся не имели никаких политических и гражданских прав. Весь государственный аппарат и органы так называемого местного самоуправления

* В. И. Ленин, Соч., т. XXI, стр. 430.

находились в руках царских властей, дворян и капиталистов. «Над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских, стражников, которые защищали царя, капиталистов, помещиков против трудящихся, против эксплуатируемых».*

Все органы государственной власти царской России, начиная с местных и кончая высшими, имели одну и ту же задачу — держать в повиновении народ, оберегать права и привилегии господствующих классов. Крупные и мелкие чиновники государственных учреждений подбирались из преданных буржуазно-помещичьему строю людей. Никто из рабочих и крестьян не допускался на ответственные посты в государственные учреждения.

После отмены крепостного права (1861 год) самодержавие вынуждено было провести еще некоторые «реформы», к числу которых относится введение земского и нового городского самоуправления.

Дореформенное городское самоуправление основывалось на принципах жалованной грамоты Екатерины II. Согласно этой грамоте (1785 год) население городов делилось на шесть курий. Эти курии избирали «общую городскую думу», которая в свою очередь выбирала исполнительный орган в составе шести человек. Каждая курия имела своего представителя в исполнительном органе. Исполнительный орган именовался «шестиглавой городской думой».

На практике городское самоуправление не привилось. Крепостническое государство не могло мириться с таким сравнительно широким привлечением населения к управлению городским хозяйством. Роль шестиглавой думы была сведена на-нет. Все городские дела решались местной полицейской властью.

1 января 1864 года правительство Александра II обнародовало «Положение о земских губернских и уездных учреждениях». 16 июня 1870 года было введено «Городовое положение». На основе этих Положений была создана система органов

---

* История ВКП(б), Краткий курс, стр. 6.

земского и городского самоуправления, которая просуществовала (с целым рядом изменений) до Октябрьской социалистической революции.

«...земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством».*

Царское правительство было прежде всего озабочено тем, чтобы не допустить в органы земского и городского самоуправления представителей трудящихся классов. «Положение о земских учреждениях» и «Городовое положение» предусматривали всевозможные ограничения при избрании этих органов.

Выборы гласных в уездные земские учреждения по Положению 1864 года производились раздельно на трех избирательных съездах. На одном съезде принимали участие только крупные помещики данного уезда и владельцы недвижимой собственности, оцененной не ниже 15 тысяч рублей. На другой избирательный съезд допускались городские избиратели, имевшие купеческие свидетельства или владевшие промышленными или торговыми заведениями, годовой оборот которых был не ниже 6 тысяч рублей, а также владельцы недвижимой собственности, стоимость которой в маленьких городах была не менее 500, а в больших — не менее 3000 рублей. Третий избирательный съезд состоял из выборных от сельских обществ. Соотношение числа гласных, избираемых на этих съездах, было таким, что оно обеспечивало перевес дворян. В первые годы после введения земских учреждений из общего количества избранных гласных дворян было 44,9 процента, крестьян 37,4 процента.**

В период реакции 80-х годов правительство Александра III отменило «Положение о земских губернских и уездных учреж-

* В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 131.

** Сборник правительственных распоряжений по земским делам, т. IV, приложение 3.

дениях», изданное в 1864 году, и взамен его 12 июня 1890 года ввело новое Положение о земских учреждениях. Это Положение еще более суживало круг избирателей недворян и ограничивало права земств.

После крестьянской «реформы» 1861 года многие дворянские имения пришли в упадок. Высокий земельный и имущественный ценз, предусмотренный Положением 1864 года, лишал некоторые слои дворянства права участия в земских выборах. Именно поэтому правительство в Положении 1890 года ввело наряду с имущественным цензом и сословный, еще больше расширив этим избирательные права дворян.

Взамен трех избирательных съездов, по новому Положению выборы земских гласных происходили на двух избирательных собраниях. В первом участвовали только потомственные и личные дворяне, а во втором все прочие избиратели данного уезда, кроме крестьян.

Потомственные и личные дворяне, а также лица с высоким имущественным цензом допускались к прямым выборам гласных, а лица с меньшим имущественным цензом принимали участие в выборах по двухстепенной системе, а именно: сначала они должны были избрать из своей среды уполномоченных, затем эти последние уже избирали земских гласных.

Избрание гласных от сельских обществ было отменено. Вместо этого губернатор **назначал** гласных в уездные земские собрания из числа кандидатов, намечаемых волостными сходами. Всеми этими мерами количество гласных от дворян было резко увеличено.

«Положение о земских учреждениях» 1890 года предусматривало и много других ограничений. Избиратель обязательно должен был состоять в русском подданстве и иметь не менее 25 лет от роду. Необходимо было также обладать цензом оседлости. Если избиратель владел землей или какой-либо другой собственностью в пределах данного уезда менее одного года, он, несмотря на все прочие условия, дававшие ему право участвовать в выборах, все же отстранялся от них. Женщины к выборам не допускались, но если они были достаточно богаты и удовлетворяли имущественному цензу, то имели право вместо

себя послать к избирательным урнам своих доверенных лиц (ст. 17-я и 18-я «Положения о земских учреждениях»). Не допускались к выборам евреи, даже имевшие соответствующий имущественный ценз.

Такова же была избирательная система и при выборах органов городского самоуправления. «Городовое положение» 1870 года предоставляло избирательные права весьма ограниченному кругу городских жителей. Избиратели делились на три разряда. В первый разряд входили наиболее крупные владельцы недвижимого имущества, промышленных и торговых заведений, ко второму причислялись содержатели менее крупных торговых и промышленных заведений и, наконец, в третий разряд входили мелкие купцы и предприниматели. Выборы проводились раздельно, причем каждое собрание избирало одинаковое количество гласных в городскую думу. Такой порядок давал огромное преимущество крупной городской буржуазии. В самом деле, количество лиц, владевших крупной недвижимой собственностью, было во много раз меньше, нежели число мелких купцов и торговцев, а число гласных от этих слоев было одинаковым.

Помимо имущественного ценза, который был основой избирательной системы, «Городовое положение» вводило также и другие ограничения. Лица, владевшие в данном городе какой-либо собственностью менее года, отстранялись от выборов; правом голоса пользовались лица, достигшие 25 лет и состоявшие в русском подданстве. Женщины к выборам не допускались, но те из них, которые удовлетворяли имущественному цензу, могли передать свои избирательные права доверенным лицам. Число гласных от евреев не должно было превышать одной трети общего количества гласных. Число гласных от нехристиан также не должно было превышать одной трети общего числа гласных. Кроме того «Городовое положение» исключало из числа избирателей лиц, за которыми числились недоимки по городским сборам.

Но даже этот избирательный «закон», предусматривавший бесконечные ограничения, подвергался систематическим урезываниям. После отмены земского Положения 1864 года и

замены его новым в 1890 году правительство Александра III отменило также «Городовое положение» и взамен его ввело 11 июня 1892 года новое «Положение об общественном управлении городов». Изменения, которые были внесены новым Положением в избирательную систему, заключались в следующем: деление городских избирателей на три разряда было упразднено, выборы гласных проводились на одном избирательном собрании. Только при условии многочисленности избирателей собрания могли проходить по участкам. Имущественный ценз по новому Положению был значительно увеличен, что привело к снижению количества городских избирателей.

По новому Положению избирательным правом пользовались русские подданные, владевшие не менее одного года недвижимой собственностью, стоимость которой в Москве должна быть не ниже 3000 рублей, в губернских городах с населением более 100 тысяч человек — не менее 1500 рублей, а в прочих губернских и в крупных уездных городах — не менее 1000 рублей; во всех же остальных городских поселениях — не ниже 300 рублей. Избирательным правом пользовались также городские жители, которые в течение года содержали в пределах данного города промышленные предприятия, требовавшие выборки промыслового свидетельства, и купцы первой и второй гильдий.

Таким образом только зажиточная городская буржуазия получала избирательные права.

Новое Положение создало и другие ограничения. Евреи совершенно не допускались к участию в выборах. В городах так называемой «черты оседлости», где евреям разрешалось проживать, они также не имели права избирать гласных,— местная администрация сама назначала гласных-евреев с таким расчетом, чтобы их количество не превышало одной десятой части всего состава гласных городского самоуправления. Число гласных от нехристиан новым Положением ограничивалось одной пятой частью по отношению к общему количеству, и только в городах Кавказского края процент гласных нехристиан мог быть увеличен до 50.

Не допускались к выборам лица, подвергшиеся несостоя-

тельности, лишенные духовного звания, исключенные из общественных или дворянских собраний, состоявшие под гласным надзором полиции, а также лица, за которыми числились недоимки по городским сборам.

В городах с слабо развитой торговлей и промышленностью, где купеческо-предпринимательская прослойка населения была незначительна, действовали «Правила об упрощенном городском общественном управлении». Здесь вместо городской думы избиралось «собрание уполномоченных», которое из числа своих членов выбирало городского старосту и двух помощников.

Естественно, что при таких ограничениях рабочие совершенно не имели возможности посылать своих представителей в органы городского самоуправления, а подавляющая масса крестьянства отстранялась от избрания гласных в земские учреждения. Органы местного самоуправления находились целиком в руках помещиков и капиталистов.

Это не мешало однако царскому правительству относиться с недоверием к органам городского и земского самоуправления. По Положению эти органы могли заниматься только вопросами местного хозяйства, но ни в коем случае не должны были вмешиваться в действия государственной администрации. Круг деятельности органов местного самоуправления был до крайности ограничен. Земские учреждения ведали только здравоохранением, устройством дорог, содержанием почт, страхованием имущества, статистикой и хозяйственной стороной народного просвещения (наем помещений, отопление, закупка учебников, заработная плата учителям). Вся деятельность земских органов была поставлена под бдительный контроль правительственных властей. Права земских учреждений систематически урезывались царским правительством. Все решения земских органов должны были утверждаться губернатором или министром.

Для надзора за деятельностью земских и городских органов самоуправления были созданы губернские по земским и городским делам присутствия, куда входили: губернатор, предводитель дворянства, вице-губернатор, прокурор окружного

суда и другие чиновники. Земские органы не имели права приводить в действие свои постановления до утверждения их губернатором.

«...Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным всесословным представительством и принялась всячески травить его».*

Остановимся на наиболее важных ограничениях, чинимых царским правительством в отношении земских учреждений. 12 октября 1866 года министр внутренних дел особым циркуляром поставил служащих земства в зависимость от правительственной администрации. 21 октября 1866 года выходит закон, ограничивающий право земских учреждений облагать налогами в пользу земских нужд торговые и промышленные заведения. 16 декабря 1866 года сенат предоставляет губернаторам право не утверждать любое избранное земским собранием должностное лицо, если оно с точки зрения местных властей признано неблагонадежным. В 1867 году земским учреждениям запрещено входить в сношения друг с другом. В том же году был издан закон, запретивший земским органам печатать свои отчеты, постановления и т. д. без разрешения местного начальства. 19 сентября 1869 года комитет министров специально указывает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные».**

Новое земское Положение 1890 года еще более ограничивало компетенцию земских учреждений, деятельность которых попала под самый мелочный, придирчивый контроль местных правительственных чиновников. Но и после введения нового Положения правительство продолжает урезывать и без того

* В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 131.

** См. статью Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», т. IV.

куцые полномочия земства. 19 июня 1900 года закон запрещает земству увеличивать свою смету более чем на 3 процента, по сравнению с прошлым годом и т. д. и т. д.

Необходимо также отметить, что земские учреждения во многих губерниях вовсе не были введены. К началу 1914 года земские учреждения действовали только в 43 губерниях России. Там, где дворянское землевладение было менее развито, или где население составляло в основном национальные меньшинства, земских учреждений не было. В Польше, Литве, прибалтийских губерниях, в Архангельской, частично в Астраханской, Ставропольской и Оренбургской губерниях земские учреждения не были введены.

Еще более узкое поле деятельности было предоставлено царским правительством органам городского самоуправления. Содержание в исправности улиц и площадей, садов и бульваров, противопожарные и ассенизационные мероприятия — вот чем, в сущности говоря, ограничивалась деятельность городского самоуправления. Что же касается других сторон жизни города, то здесь городским самоуправлениям отводилась скромная роль «попечительства», например — попечение о призрении бедных, о развитии народного образования, об устройстве библиотек, музеев.

Так же, как и земские учреждения, городское самоуправление подвергалось самому тщательному контролю со стороны правительства и его органов. Если «Городовое положение» 1870 года до некоторой степени разрешало городским самоуправлениям действовать в отведенной им области самостоятельно, то Положение 1892 года совершенно устраняло самостоятельность городских самоуправлений. Губернатор имел право отменять любое постановление городских дум, если оно не отвечало требованиям закона и не соответствовало «общегосударственным пользам и нуждам». Каждое постановление органов самоуправления должно было в обязательном порядке утверждаться губернатором. Повседневный надзор за деятельностью этих органов осуществляло губернское по земским и городским делам присутствие. Все ответственные должности в городских самоуправлениях должны были обязательно утвер-

ждаться губернатором и, в случае неутверждения, замещались по назначению губернатора или министра внутренних дел. Малейшие попытки органов городского самоуправления выйти за пределы того узкого круга деятельности, который был им предоставлен, влекли за собой серьезные административные репрессии.

Ленин писал об органах местных самоуправлений, что они «...занимаются *безвредным для буржуазного государства*» «лужением умывальников», водоснабжением, электрическими трамваями и т. под. мероприятиями, неспособными подорвать *основ* того, что называется «существующим общественным порядком»*.

***

Земские учреждения состояли из уездных и губернских собраний. Гласные в уездные земские собрания избирались на известных уже нам основаниях. Губернские земские собрания избирались уездными земскими собраниями из числа своих членов по расчету — один губернский гласный от 6 уездных. Срок полномочий уездных и губернских земских собраний устанавливался трехлетний. Очередные земские собрания созывались раз в год. В случае, если возникали какие-либо спешные дела, земские собрания с разрешения губернатора могли собираться на чрезвычайные сессии. Статья 54 «Положения о земских учреждениях» 1890 года указывала, что в губернском земском собрании «в тех случаях, когда государю императору не угодно будет назначить для председательствования в оном особое лицо, председательствует губернский предводитель дворянства, в уездном земском собрании председательствует уездный предводитель дворянства». Статья 56 предусматривала участие в губернском и уездном земском собрании депутата от духовного ведомства.

Земские собрания выбирали для повседневной работы так называемые управы — уездные и губернские. Уездные управы избирались на трехлетний срок. Губернские и уездные земские управы состояли из председателя и двух членов. Земским собраниям разрешалось увеличивать количество членов уезд-

---

* В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 71.

ных управ до четырех, а губернской управе, с особого разрешения министра внутренних дел, и до 6 членов. Председателями уездных и губернских земских управ должны были быть лица, имевшие право на вступление в государственную службу, т. е. преимущественно дворяне. Все лица, избранные в председатели губернских управ, утверждались министром внутренних дел, а избранные в председатели уездных управ и в члены губернских и уездных управ — губернатором. Если министр или губернатор не утверждали избранных лиц, назначались новые выборы, причем лица, не «удостоившиеся утверждения», не могли баллотироваться второй раз.

Аналогично с земскими учреждениями строились органы городского самоуправления. Определенный круг городских жителей избирал гласных в городскую думу сроком на 4 года. Число гласных думы должно было быть не менее 20 и не более 80. В Москве количество членов городской думы могло быть увеличено до 160. В состав городской думы входили также председатель уездной земской управы и представитель от православного духовенства.

Городская дума избирала городскую управу (также на 4 года). Управу возглавлял городской голова. В состав городской управы кроме головы входили два члена. Если население города насчитывало свыше 100 тысяч человек, число членов управы могло быть повышено до 4, а в Москве до 6. В Москве, Одессе, Риге в состав городской управы входил на правах ее члена так называемый товарищ городского головы (заместитель). В Москве городской голова назначался царем по представлению министра внутренних дел, а во всех остальных городах городской голова, товарищ городского головы и члены управы избирались городской думой и утверждались губернатором. Если министр или губернатор не утверждали избранных лиц, городская дума должна была избрать других.

Так строились земские и городские самоуправления. Все было направлено к тому, чтобы обеспечить в этих органах перевес дворянству и крупной буржуазии. Вся система органов самоуправления сверху донизу находилась под контролем царской бюрократии.

ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ В САМАРСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЯХ

В Самарской губернии земские учреждения были введены раньше, чем в других губерниях. 16 февраля 1864 года в «Самарских губернских ведомостях» было опубликовано «Положение о земских губернских и уездных учреждениях». Через несколько месяцев в этой же газете были напечатаны правила «о приведении в действие земских учреждений». Согласно этим правилам были образованы временный губернский комитет и временные уездные комиссии для подготовки к открытию земских учреждений. Губернский комитет возглавлялся губернатором Мансуровым. Членами его были: губернский предводитель дворянства Обухов, вице-губернатор Ушаков, председатель казенной палаты Нащокин, губернский прокурор Синеоков-Андреевский, самарский уездный предводитель дворянства Чарыков. Естественно, что первой заботой этого губернского комитета было создание наиболее благоприятных условий для дворян и купечества в выборах органов земского самоуправления.

Закончив подготовительные работы, губернский комитет и уездные комиссии закрылись. 19 декабря министр внутренних дел объявил, что первые уездные земские собрания должны открыться одновременно во всех уездных городах Самарской губернии — 7 февраля 1865 года, а губернское земское собрание — 7 марта того же года. Однако губернское земское собрание открылось несколько раньше — 23 февраля.

Первые выборы в губернское и уездные земские собрания сразу же выявили дворянско-буржуазный характер этих учреждений. Бывший городской голова П. В. Алабин в книге «25-летие Самары, как губернского города» совершенно правильно писал: «таким образом, оказывается, что вообще главными деятелями в губернском земстве явились дворяне... состав уездных управ тоже составлял преобладание дворянского элемента».

Из 68 губернских земских гласных было 37 дворян, 4 попа, 2 чиновника, 7 купцов, 2 колониста и 16 крестьян. В бузулук-

скую земскую управу были избраны 3 дворянина и один крестьянин, в бугурусланскую — 2 дворянина и один купец, в бугульминскую — 3 дворянина, один купец и 2 крестьянина.

Самарская уездная земская управа состояла из председательствующего Чарыкова, имевшего титул «камергера двора его императорского величества», и членов: дворянина Аристова, чиновника Крылова, крестьянина Молина. Последний, само собой разумеется, принадлежал к кулацкой верхушке деревни. Председателем самарской губернской земской управы был избран ставропольский предводитель дворянства Тургенев, а членами — дворяне Янишевский, Наумов, Сосновский, Микулин, купец Щеткин и зажиточный крестьянин Осыко.

«Падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс,— дворянство,— обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений».*

Земство непрочь было вначале строить широкие планы и рассчитывало на большую самостоятельность в своей работе. «Либеральные» дворяне, засевшие в земских органах, рисовали заманчивые картины земской деятельности.

Вот как описывает тот же Алабин заседания самарского губернского земского собрания: «На этом первом земском собрании в России было поднято не мало самых животрепещущих вопросов, возбуждавших оживленные и продолжительные прения, крайне интересовавшие все местное общество, не только мужское, но и дамское, которое мало того, что усердно посещало ежедневно собрание, но и переносило обсуждение дел, рассматривавшихся в собрании, за его стены. По словам хроникера местной газеты: куда ни придешь, бывало, в дни собрания, в клуб ли, в кафе ли, ресторан или семейный кружок,— везде слышишь повторение и продолжение прений, бывших в тот день на собрании. Одним словом, послышалось веяние

---

* В. И. Ленин, Соч., т. IV, стр. 124.

новой жизни. Ожиданиям и надеждам не было пределов. Казалось, все забывали то исключительное значение, какое придавал закон земским учреждениям, предоставляя им только блюсти местные хозяйственные пользы и нужды губернии. Все ожидали от этих новых учреждений чего-то большего».*

Однако очень скоро земские органы Самарской губернии да и остальной России поспешили выразить свои «верноподданнические чувства». Открывшееся в конце 1865 года очередное губернское земское собрание уже проходило совсем в иной обстановке. Революционные выступления крестьян и разночинной интеллигенции до того напугали дворян, что они поспешили отмежеваться от демократических слоев общества и всячески старались показать свою благонамеренность. В соответствии с изменившейся обстановкой самарское губернское земское собрание старалось доказать, что оно не собирается выйти за рамки законности и вполне удовлетворено той сферой деятельности, которая определена земствам «державным законодателем».

Земские учреждения в Симбирской губернии были открыты несколько позднее, чем в Самарской. 15 декабря 1865 года состоялось первое заседание симбирского уездного земского собрания, а в следующий год были созваны губернское земское собрание (20 февраля) и все остальные уездные земские собрания Симбирской губернии. Дворянство Симбирской губернии, захватившее в свои руки земские учреждения, никогда даже в самой безобидной форме не выступало с конституционными притязаниями. Приобревшие печальную известность своей реакционностью и тупым консерватизмом симбирские дворяне не мало поработали над тем, чтобы изгнать из земских органов все, что хотя бы в малейшей степени могло возбудить недовольство царских властей.

Проводившиеся на основе царского законодательства выборы в органы земского самоуправления в Самарской и Симбирской губерниях ярко демонстрировали политическое бесправие подавляющего большинства населения. Местные власти старались

---

* П. В. Алабин, 25-летие Самары, как губернского города, стр. 579.

еще больше ограничить и без того узкий круг избирателей. Выборы превращались в сплошной обман.

Как избирались гласные земства

Многочисленные документы, сохранившиеся от выборного делопроизводства уездных и губернских земских собраний, восстанавливают перед нами картину так называемых земских выборов.

Задолго до выборов уездные земские управы начинали проявлять бурную деятельность. Во все места летели запросы о том, что представляют собою лица, занесенные в избирательные списки. Больше всего управы занимались проверкой имущественного ценза избирателей.

8 марта 1871 года симбирская уездная земская управа обратилась в симбирскую городскую управу со специальным отношением, в котором писала:

... «Ввиду окончания 3-летней деятельности земских гласных, избранных в 1868 году, должны быть немедленно составлены списки избирателей гласных в земские собрания на следующее 3-летие. В списки эти, между прочим, должны быть внесены: а) лица, имеющие купеческие свидетельства, б) владельцы находящихся на городских землях фабрик и других промышленных и торговых заведений, годовой оборот производства коих не менее 6 тыс. рублей, и в) лица, владеющие на городских землях недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога не менее 3000 рублей,... уездная управа имеет честь просить городскую управу сообщить ей в возможно непродолжительное время сведения о вышеозначенных лицах с означением против каждого: по купеческому ли свидетельству или по владению имуществом на городских землях и каким именно он имеет право быть избирателем».*

Такими «заботами» были полны предвыборные дни в земских учреждениях.

Подготовка и проведение выборов целиком находились в

---

* Дело симбирской городской управы № 118, 1871 г., лист 1.

руках местных дворян, которые, естественно, старались провести в земские органы как можно больше своих людей. Вот перед нами список гласных самарского уездного земского собрания, избранного в 1901 году. Из 26 гласных дворян было избрано 14, купцов 5 и крестьян 7 (по назначению губернатора из числа кандидатов, избранных волостными сходами).

В бугурусланское уездное земство в 1907 году потомственных и личных дворян было избрано 15, т. е. больше половины всего количества гласных. Но это не удовлетворило земство и оно обратилось к самарскому губернатору со следующим ходатайством: «В виду того, что от первого избирательного собрания потомственных и личных дворян вошло в состав гласных лишь 15 человек,... уездная земская управа имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство разрешить созыв избирательного собрания от потомственных и личных дворян для дополнительных выборов гласных от названного собрания».*

Понятно поэтому, почему, например, симбирская земская управа накануне революции состояла из следующих «высокопоставленных» лиц: председатель — Николай Федорович Беляков, камергер царского двора, заступающий место председателя — барон Христофор Геннадиевич Штемпель, члены — фон-Ренкуль и дворянин Панютин.

В делах бывших самарских и симбирских земских учреждений имеются любопытные документы, характеризующие упорные притязания дворян на руководство земскими учреждениями.

В Бугурусланском уезде вопрос о понижении избирательного ценза для дворян возбуждался уездными земскими собраниями неоднократно. Гласный, дворянин Головинский, выступая по этому поводу, заявил: «Существующий для нашего уезда довольно высокий имущественный ценз на право избрания в земские гласные лишает многих достойных лиц, владеющих меньшим цензом, возможности участия на земских собраниях, поэтому я полагал бы в видах устранения для таких

* Дело № 780 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1906—1909 гг.

лиц указанных затруднений, возбудить через губернское земское собрание ходатайство о понижении для бугурусланского уезда имущественного ценза»...

Если в земские гласные иной раз, преодолевая огромные препоны, попадали представители от демократических слоев населения, то это вызывало целую бурю. Самарское губернское по земским и городским делам присутствие исключило из числа гласных николаевского уездного собрания учителя В. и агронома А. Избиратели, принадлежавшие главным образом к дворянским слоям, зорко следили за тем, чтобы не было каких-нибудь нарушений «законного» хода выборов. Под этим большей частью подразумевалось участие в выборах «неправомочных» лиц. Достаточно было потерять одно из прав на участие в выборах, как добровольные доносчики уже сообщали об этом губернатору и руководителям земских учреждений.

В выборах гласных николаевского уездного земского собрания в 1913 году принимал участие техник Иван Егорович Дырченко. Его имущество на 1 января 1913 года оценивалось в 1500 рублей, и это давало ему право участвовать в выборах. Но, говоря языком жалобы, поданной губернатору «... после первого января 1913 года в имуществе господина Дырченко произошло изменение, а именно, комиссия, произведя переоценку недвижимого имущества всех жителей города, в том числе и имущества господина Дырченко, оценила его имущество только в 900 рублей. Возражения от господина Дырченко не поступали, следовательно, он согласился на уменьшенную оценку. А раз это так, то господин Дырченко не имел права участия на выборах».*

Почему жалобщик так энергично добивался отстранения Дырченко от выборов? Об этом он сам пишет: «Между тем голос господина Дырченко для многих избираемых лиц имел решающее значение, а именно: избираемый господин Кузьмин получил равное число избирательных и неизбирательных голосов. Не участвуй при выборах этого лица господин Дыр-

---

* Дело № 1134 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1912—1913 гг.

ченко, он мог бы получить избирательных голосов больше, чем неизбирательных... Следовательно, в этом случае был роковым голос Дырченко».*

На выборах часто происходила настоящая купля и продажа избирательных голосов, но такие случаи редко становились известны общественному мнению. Больше всего произвола было, конечно, на волостных сходах, избиравших кандидатов, из числа которых губернатор утверждал гласных от сельских обществ. Земские начальники, полицейские урядники, местные помещики обычно задолго до выборов намечали кандидатов в большинстве своем из местных кулаков. Путем насилия, запугивания и обмана местные власти добивались от волостных сходов избрания угодных себе лиц. Если несмотря на все это волостные сходы избирали других лиц, то администрация под тем или иным предлогом их не утверждала. На выборах кандидатов в гласные от сельских обществ в 1913 году в Новоузенском уезде оказались избранными крестьяне Хлопотин и Трегубенко. Когда избирательный протокол пошел на утверждение в самарское губернское по земским и городским делам присутствие, то выборы Хлопотина были отменены. Так было со всеми кандидатами в гласные, которые оказывались неугодными царским властям.

Во время выборов гласных в самарское уездное земское собрание в 1913 году кандидатами в гласные от крестьянских обществ Владимирской волости были избраны учитель земского училища Н. и от Елховской волости фельдшер К. Ни земскому собранию, ни тем более властям не хотелось иметь в числе гласных земства учителя и фельдшера.

Дело это было передано самарскому губернскому по земским и городским делам присутствию. Здесь чиновники, имевшие большой опыт по всякого рода выборным махинациям, вскоре нашли способ избавиться от неугодных гласных. Губернское присутствие, нимало не смущаясь, воспользовалось для своих целей законоположениями... о выборах в Государственную думу от 7 октября 1906 года, где было сказано, что избирателя-

* Там же.

ми в Государственную думу являются не все вообще крестьяне, а крестьяне-домохозяева. Поэтому, «применяя изложенные выше соображения правительствующего сената к избранным владимирским и елховским волостными сходами в кандидаты гласных самарского земского собрания от крестьянских обществ..., признать, что оба эти лица, как не могущие по роду своей службы считаться домохозяевами данного общества, не могли быть избираемыми в кандидаты гласных земского собрания от сельских обществ».*

Желание правительства и дворян превратить земство исключительно в дворянские организации приводило иной раз на практике к противоречиям между избирательной системой и действительностью.

В Николаевском уезде в 1912 году не могло состояться ни одно земское собрание. Причина этого не совсем обычного явления заключалась в том, что крупное дворянство уезда должно было избрать 18 гласных, а в уезде потомственных, личных и обладавших высоким имущественным цензом дворян было немного. Поэтому пропорционально общему количеству дворяне избрали из своей среды только 6 гласных. А так как статья 74 «Положения о земских учреждениях» требовала для законного состава заседания земского собрания присутствия не менее половины числа гласных, то николаевское земство не могло по этой причине считать свои заседания законными, и они не созывались. Тогда николаевская земская управа обратилась к самарскому губернатору с просьбой пересмотреть расписание уездных земских гласных с таким расчетом, чтобы число гласных от первого избирательного собрания было уменьшено с 18 до 12, а от второго увеличено с 9 до 13 человек.

Как и следовало ожидать, ходатайство николаевского земства было отклонено. В связи с этим управляющий министерством внутренних дел писал в доверительном письме самарскому губернатору: «Нельзя не заметить, что несоответствие действующего расписания современным местным условиям, выразившееся особенно резко в Николаевском уезде, не представляет

* Дело № 192 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1912—1913 гг.

явления исключительного, а наблюдается в ряде уездов, где по первому избирательному собранию также имеют место повторные, значительные недовыборы, затрудняющие успешный ход земского хозяйства. Обстоятельство это, свидетельствуя об устарелости всей земской избирательной системы, указывает на настоятельную необходимость скорейшего ее изменения, и разрешение такого вопроса и составляет ныне одну из очередных задач министерства внутренних дел».*

Однако «очередная задача» так и осталась неразрешенной. Земские выборы продолжали проводиться, как любили выражаться царские чиновники, «на прежних основаниях». Вся эта «избирательная система», основанная на всевозможных классовых и сословных ограничениях и ставившая бесчисленные рогатки и препоны даже лицам, имевшим избирательные права, продолжала без каких бы то ни было существенных изменений действовать вплоть до свержения самодержавия.

Как избирались гласные городских дум

Остановимся теперь на практике выборов в городские думы Самарской и Симбирской губерний.

11 июля 1870 года в Самаре был получен указ сената «о приведении в исполнение нового городового положения». 29 июля самарский губернатор Г. С. Аксаков предложил составить список лиц, имеющих право участвовать в избрании гласных в городскую думу. 1 августа 1870 года в «Самарских губернских ведомостях» был опубликован список избирателей, в котором числилось: по первому разряду 88 избирателей, по второму — 342 и по третьему — 2686. Всего было занесено в список 3116 избирателей при общем количестве городских жителей в 50 937 человек.

Первые выборы гласных по новому «Городовому положению» происходили в конце января 1871 года. Было избрано 72 гласных. По социальному составу они распределялись так: купцов—

* Дело № 1134 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1912—1913 гг.

57, дворян и чиновников — 9, священников — 1, мещан — 4 и один казак. Таким образом первый состав самарской городской думы в подавляющем большинстве состоял из купцов. Конечно, подобная тенденция правительства встречала большое недовольство в демократических слоях общества. Даже люди, далеко не разделявшие взглядов и убеждений разночинной интеллигенции, и те чувствовали, что избирательный закон, давший огромные преимущества купцам, является какой-то карикатурой на избирательную систему.

П. В. Алабин несмотря на свою, им самим подчеркнутую преданность царскому строю, вынужден был критиковать городскую избирательную систему. Он писал: «Таким образом, естественно, что в думе всегда преобладающим элементом должны быть купцы. Между тем, нельзя не заметить, что лица, занимающиеся свободными профессиями или имеющие диплом на ученую степень, лица, которые несомненно могли бы принести городу действительную пользу своим участием в его делах, потому только, что не имеют имущественного ценза, лишаются права голоса в городских делах».*

История выборов в органы городского самоуправления Самарской и Симбирской губерний изобилует многочисленными фактами всевозможных ограничений избирательного права, насилия над волей избирателей, темных предвыборных махинаций, подкупов, фальсификаций итогов выборов.

Мелкие подробности избирательного права (якобы «мелкие», по выражению Ленина) приводили на практике к тому, что даже лица, по закону имевшие право голоса, лишались его. Наиболее богатые и влиятельные «отцы города», пристроившиеся к общественному пирогу, хозяйничали на выборах, оттирали неугодных им лиц и добивались своего избрания в органы самоуправления.

Во время выборов в симбирскую городскую думу, в 1912 году, городской голова и наиболее влиятельные члены городской думы предложили местным состоятельным избирателям, находившимся у них в зависимости, голосовать по их указа-

* П. В. Алабин. 25-летие Самары, как губернского города, стр. 617—618.

ниям. Для того чтобы проверить, кто за кого будет голосовать, стенки баллотировочного ящика были сделаны с большими щелями, так что без труда можно было видеть, кто куда кладет свой шар — направо или налево.

Еще более откровенно действовал мелекесский городской голова Марков. Выборы им были назначены на 6 часов вечера, однако за несколько часов до срока Марков собрал в помещении думы своих друзей для производства выборов. Когда избиратели стали приходить к назначенному времени, их не пустили, ссылаясь на то, что «лица, прибывшие в собрание к начатию баллотирования, к участию в собрании не допускаются». Возмущенная этим группа избирателей отправила самарскому губернатору жалобу, в которой писала:

«Только особой, незаконной, искусной организацией выборов Марков и на сей раз оставил в составе гласных весь прежний состав и тем самым голова Марков вновь приобретает простор для своих личных дел».*

Несмотря на очевидность махинаций Маркова, жалоба избирателей была оставлена без последствий.

Любопытную картину представляли собой выборы в буинскую городскую думу (Симбирской губернии) в 1889 году. Почти все избиратели были пьяны. Городской голова Силантьев и друг его трактирщик Эливанов несколько раз посылали за пивом и водкой, угощали избирателей и добились того, что они отдали свои голоса за Силантьева и за указанных им лиц.**

О том, как происходили выборы в карсунскую городскую думу в июле 1890 года, дает нам представление жалоба мещанина Тонкова в симбирское губернское по земским и городским делам присутствие:

«Еще задолго до выборов в трактирах городского головы началось спаивание избирателей, причем делались указания, кого избрать в гласные и кого забаллотировать. Должностными лицами городского управления, чтобы удержать от участия

* Дело № 61 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1892—1894 гг.

** Ульяновский архив, фонд № 918, дело № 14, 1889 г.

в выборах неугодных для них избирателей, был отдан приказ карсунскому волостному старшине о сборе податей и хлебной недоимки с избирателей, что он и сделал, удерживая избирателей-крестьян на сходе. После устранения Гончарова от участия в выборах как недоимщика, другие, подобные Гончарову лица, испугались и удалились сами».*

Губернское по земским и городским делам присутствие вынесло по жалобе Тонкова следующее решение: «Хотя при производстве выборов действительно допущены некоторые неправильности, но такие, которые не могут быть признаны нарушением вообще установленного для выборов порядка, влекущим за собой отмену произведенных выборов, а потому жалобу просителя оставить без последствий».**

Такие нравы царили не только в глухих уголках, подобных Карсуну или Буинску, но и в больших центрах. Самарский городской голова Арычкин, член управы Мясников и другие воротилы накануне выборов в городскую думу, в 1905 году, обходили избирателей по домам, угощали их, обещали всевозможные блага. Но этого мало. Избирательный ящик был сделан таким образом, что при опускании шаров в него можно было судить по звуку, в какую сторону падает шар — вправо или влево.

Накануне выборов в ардатовскую городскую думу, в 1898 году, в городе произошел большой пожар, уничтоживший много домов. Лишились своих домов и 54 избирателя. Городская дума оповестила избирателей, пострадавших от пожара, что допустить их к выборам она теперь не может без разрешения губернатора.

В г. Алатыре, Симбирской губернии, случилось событие, подобное ардатовскому. 20 мая 1913 года пожаром было уничтожено имущество 82 избирателей. Городская дума обратилась за разъяснением в симбирское губернское по земским и городским делам присутствие. Погорельцы не были допущены к выборам городских гласных, и только те из них, которые вос-

* Ульяновский архив, фонд симбирского губернского по земским и городским делам присутствия, дело № 15.

** Там же.

становили свои сгоревшие дома, получили разрешение принять участие в выборах.

Достоинство человека в те годы измерялось величиной недвижимого имущества, разрядом патента и капиталом. Высокий избирательный ценз при выборах органов городского самоуправления приводил к тому, что только самая ничтожная кучка людей пользовалась избирательным правом.

Избирательная система была построена с таким расчетом, что с ростом города уменьшалось число избирателей. В Самаре в 1870 году, когда жителей было 50 тысяч человек, избирательным правом пользовалось 3116 человек, а в 1913 году, когда население удвоилось, избирателей было только 1533. Такое же положение было и в других городах.

Различные ограничения настолько суживали в некоторых городах круг избирателей, что не всегда представлялось возможным избрать из их состава законное число гласных, думы там наполовину пустовали. Это заставляло городские самоуправления ходатайствовать перед правительством о небольшом хотя бы снижении избирательного ценза.

В 1901 году сызранская городская дума обратилась к симбирскому губернатору с представлением, в котором писала:

«В заявлении некоторых господ гласных, выслушанном и принятом городской думой в заседании ее 3 октября с. г., выражено мнение, что незначительный состав гласных теперешней думы и встречающиеся вследствие этого затруднения в выборе членов избирательных и подготовительных комиссий могли бы быть устранены через понижение для г. Сызрани избирательного ценза с тысячи до пятисот рублей. Такое понижение увеличит число избирателей и самый состав думы. Признавая вполне основательность вышеприведенных соображений господ гласных, городская дума постановила ходатайствовать через ваше превосходительство перед господином министром внутренних дел о понижении избирательного ценза с тысячи до 500 рублей».*

* Дело № 35 симбирского губернского по земским и городским делам присутствия, 1901—1902 гг.

Мотивировка сызранской городской думы была лишена какой бы то ни было политической окраски, она исходила из узкопрактических соображений. Однако министерство внутренних дел в резкой форме отклонило это ходатайство. Министр писал:

«Я не усматриваю достаточных оснований к удовлетворению ходатайства сызранской городской думы о понижении для г. Сызрани ценза для городских избирателей по владению недвижимым имуществом с тысячи до пятисот рублей».*

После манифеста 17 октября 1905 года, сулившего всякие «свободы», ставропольское мещанское общество обратилось с ходатайством в городскую думу о предоставлении права всем жителям г. Ставрополя, имеющим недвижимую собственность, участвовать в избирательных собраниях без ограничения ценза. Городская дума вынуждена была поддержать это ходатайство. Ставропольцы были уверены, что правительство, только что провозгласившее свободу, не откажет в их скромном ходатайстве (не нужно забывать, что речь шла только о некотором расширении избирательного права), но они ошиблись. Министр внутренних дел уведомил самарского губернатора, что «ввиду отсутствия такого законоположения, коим отменялся бы установленный городским положением 1892 года порядок производства выборов городских гласных, я не усматриваю законных оснований к удовлетворению ходатайства ставропольской городской думы о предоставлении права всем жителям города, имеющим недвижимую собственность, участвовать в городских избирательных собраниях».**

Обстановка и условия, в которых проходили выборы, превращали их в тяжелую и утомительную обязанность. В самарскую городскую думу выборы проходили на одном избирательном собрании, в одной из комнат городской управы. В небольшом избирательном зале собиралось 300—400 человек. Ожидание, пока все собравшиеся опустят свои избирательные шары в

---

* Дело № 35 симбирского губернского по земским и городским делам присутствия, 1901—1902 гг.

** Дело № 4 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1906 г.

баллотировочный ящик, было настолько утомительным, что многие не выдерживали и уходили, не дождавшись своей очереди.

Гласный самарской городской думы Михайлов на заседании 7 января 1905 г. в связи с этим заметил:

«Из имеющихся сведений видно, что выборы 1901 года начались при 454 избирателях и окончились при 139. Избиратели ежечасно убывали, потому что многим при всем их желании выполнить свой долг до конца сделать этого невозможно было по разным причинам. Одному не позволяли дела, другому не позволяло здоровье оставаться 15—18 часов в душном, наполненном дымом зале, а третьему просто надоедало ждать очереди положить шар. Ведь дождаться, когда 450 человек положат шары для того, чтобы потом в свою очередь положить свой шар, — воля ваша — дело нелегкое!»*

Однако руководители городской думы упорно не соглашались делить город на участки. В этом была своя логика. Они надеялись, что измученные долгим ожиданием избиратели к концу собрания изберут лиц, указанных заправилами думы, лишь бы поскорее освободиться от неприятной обузы.

Сложность избирательной процедуры сказывалась также и на подсчете голосов. Избиратели в течение нескольких недель оставались в неведении относительно итогов выборов.

Большинство избирателей к выборам относилось пассивно. Для избрания самарской городской думы в 1913 году из 1533 избирателей явилось всего 305.

Выборы в городские думы были отданы на откуп небольшой группе лиц. Эти дельцы конкурировали друг с другом и, желая попасть в думу во что бы то ни стало, вели широкую предвыборную агитацию, обещая населению всяческие блага.

Обычно накануне выборов в самарскую думу отдельные конкурирующие друг с другом группы избирателей образовывали так называемые партии под громкими, многообещающими названиями. Одна называла себя «прогрессивной» и призывала голосовать за ее кандидатов, другая именовала себя «обновленцами» и тоже не скупилась на обещания. Так назы-

* Дело № 1844 самарской городской думы, 1905 г.

ваемые «стародумцы» апеллировали к наиболее консервативным слоям самарских толстосумов.

Список кандидатов от «прогрессивной» группы избирателей возглавлялся известными Самаре миллионерами — Башкировым, Сурошниковым, Шихобаловым, Соколовым, князем Кугушевым (кстати сказать, держателем трактира «Вампир»). «Обновленческая» группа имела в своем составе «пивного короля» фон-Вакано, губернского предводителя дворянства Наумова, владельца булочных Неклютина. В «стародумском» списке кандидатов красовалась фамилия знакомого всей Самаре черносотенца Богушевского, редактора грязного листка «Голос Самары».

Каждая группа имела свой орган печати, в котором, не щадя красок, обрушивалась на своих противников и изо дня в день обрабатывала избирателей. Иногда выпускались даже специальные обращения к избирателям. В жарких схватках газеты выбалтывали много такого, что в обычное время держалось в секрете. В итоге предвыборной борьбы избиратели и широкие круги населения узнавали кое-какую правду об «отцах города»... Это была, пожалуй, единственная положительная сторона предвыборного ажиотажа.

Предвыборная борьба велась не только на страницах печати. Руководители враждовавших между собой групп находили и другие формы «агитации». Во время выборов в самарскую городскую думу в 1909 году руководители «прогрессистов» агитировали, как это видно из поданной самарскому губернатору жалобы «стародумской» группы, следующим образом:

«Во время самой баллотировки эти вожаки... не без умысла не занимали свои места, а становились шпалерами по линии прохода избирателей к ящикам и делали мимоидущим наставления, кому класть шар направо, кому налево. Чиновник в форме, с погонами, как оказалось — Томашевский, всем идущим мимо указывал, кому класть направо, кому налево... Особенно строптивых избирателей Малкин и Челышев уводили в заднюю комнату и там внушали им свои идеи...*»

* Дело № 1253 самарской городской думы о городских выборах на четырехлетие с 1909 г.

Размежевание на предвыборные «партии», маскировка пышными названиями, — все это нужно было для того, чтобы пустить пыль в глаза избирателям и обмануть их жульническими декларациями.

Естественно, что в силу высокого избирательного ценза и множества других ограничений в городские думы попадали самые богатые лица с определенной политической физиономией. Это были большею частью люди «благонамеренные», на деле доказавшие свою преданность буржуазно-помещичьему строю. В списке гласных самарской думы 1909 года мы встречаем фамилии мельника Карпова, заводчика Малкина, крупного торговца Покидышева, миллионеров Сурошникова, Шихобалова и им подобных. Те же самые лица оказались «избранными» в самарскую думу и в 1913 году.

Царское правительство зорко следило за тем, чтобы не допустить избрание в городские думы людей «неблагонадежных». Если изредка и случалось, что в думу избирались лица, неугодные царской администрации, то от них отделывались очень просто: губернское по земским и городским делам присутствие обычно их не утверждало. После тщательного фильтра в думах оставались самые надежные с правительственной точки зрения элементы. Что они собой представляли, можно видеть из секретного дела «Отзывы о личностях, избираемых на общественные должности», находящегося в архиве быв. самарского губернского по земским и городским делам присутствия. Не предназначенные для огласки, эти совершенно секретные документы дают правдивую характеристику «хозяевам города».

Николаевский уездный исправник Ковалевский рапортовал самарскому губернатору, что «избранный на должность члена городской управы... Михаил Иванов Ягунов образования не получил никакого и даже плохо грамотный. Имущество заключается в доме, купленном на имя жены, в верхнем этаже коего помещается местный клуб, а в нижнем содержит сам Ягунов номера для приезжающих. Дом этот стоимостью около 10 000 руб., приобретен следующим образом: лет 8 тому назад Ягунов приехал с пустым карманом из Тамбовской губернии и получил место приказчика на Сукочевском хуторе с жало-

ванием в 300 руб. в год и на пятом году службы построил этот дом... Единственная цель жизни его — нажива, он ничем не брезгует, даже отнимает у босоногого слуги коридорного те гроши, которые тот получает «на чай»... В составе городской управы уже есть его сподвижник Ефименков, если попадет еще и Ягунов, то голове придется бежать, потому что с двумя жуликами ему не справиться. По моему мнению, он вовсе не годится для этой должности, тем более, что новый член управы должен заведывать городской кассой, так как старого, т. е. Ефименкова, тоже не особенно удобно допустить до нее».*

Вот перед нами портрет новоузенского городского головы «в совершенно секретном» освещении уездного исправника: «Морозова я знаю за крайне грубого, неразвитого мужика. При разговоре о нем с судебным следователем я узнал, что хутор Морозова около села Николаевки считается разбойничьим гнездом и что Морозов только потому остается на свободе, что нет возможности собрать данных к обвинению как его, так равно и служащих на его хуторе».**

В Ставрополе в члены городской управы был выбран местный богач Головкин. Личность этого городского деятеля, судя по секретной характеристике ставропольского уездного исправника, выглядит так:

«Мещанин Головкин по профессии лесопромышленник и виноторговец, но в силу необходимости лесное дело официально перевел на имя компаньона своего, а винную торговлю — на имя своей жены. Но тем не менее Головкин, участвуя в торговле лесом, навлек недовольство городского населения, главным образом, за недобросовестное распределение лесных участков и пристрастную клеймовку отдельных деревьев при продаже». ***

Такова физиономия городских «деятелей» в описании царской администрации, которая сама способствовала избранию

---

* Секретное дело № 566 самарского губернского по земским и городским делам присутствия.

** Секретное дело № 556 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, 1903 г.

*** Там же.

этих лиц и утверждала их в должности. Царское правительство было вполне удовлетворено такими «кадрами».

«ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» ЗЕМСТВА И ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Избранные на основе ограниченного избирательного права, земские и городские органы самоуправления были верными слугами царского правительства и послушно выполняли все распоряжения и требования властей.

Буржуазные писатели до небес возносили земские культурные учреждения. В особенности много похвал расточали они по адресу земских школ. Однако факты говорят, что дворянско-буржуазное земство ничтожно мало сделало в области народного просвещения. Земские школы терпели страшную нужду. Честные, преданные своему делу учителя не только не поощрялись, а, наоборот, терпели обиды и унижения со стороны заправил земства.

Симбирское земство вело борьбу против культурно-просветительных мероприятий Ильи Николаевича Ульянова — отца Владимира Ильича Ленина. Симбирская губерния была одной из наиболее отсталых. Во многих селах не было ни одного грамотного человека. Школы имелись в 147 волостях из 210. Преподаватели школ испытывали неимоверную нужду. Борясь за насущный кусок хлеба, они лишены были возможности повышать свою квалификацию.

Со всем этим не мог мириться Илья Николаевич Ульянов — инспектор, а затем директор народных училищ губернии. Он то и дело ходатайствовал об улучшении положения учителей, об открытии новых школ и ремонте старых. Земство в большинстве своем отказывало Илье Николаевичу, ссылаясь, как обычно, на недостаток средств. Однако дело было не только в этом. Симбирские земцы-помещики считали нежелательным и опасным развитие просвещения в народе. Особенно они были недовольны прогрессивными педагогическими мероприятиями Ульянова.

15 ноября 1872 года Илья Николаевич обратился в симбирское губернское земство с целой программой мероприятий по развитию народного образования в губернии. Он просил земство предоставить стипендию 40 учащимся учительской семинарии в с. Порецком и оказать пособие 22 воспитанникам первого курса этой же семинарии. «Для доставления учителям народных училищ способов к дальнейшему самообразованию» Илья Николаевич предлагал открыть во всех уездах библиотеки, снабженные книгами и журналами педагогического характера. Для снабжения школ необходимыми учебными пособиями Ульянов просил ассигновать в виде займа тысячу рублей. Кроме того он просил организовать эмеритальную кассу для народных учителей. * Однако все эти мероприятия были отклонены под предлогом недостатка средств.

Как относилось земство к народным учителям, видно из следующего донесения инспектора 5-го района Симбирской губернии И. Н. Ульянову: «При осмотре мной народных училищ Курмышского уезда... от очень многих учителей и учительниц я получил заявление о неполучении ими уже в течение очень продолжительного времени жалования, что ставит их в крайне безвыходное положение. Так, учитель верхне-талызинского училища не получает жалования в течение уже четырех месяцев, учитель вновь открытого в декабре минувшего года рогожского училища не получает жалования с самого открытия училища, в течение трех месяцев. Учитель кочетовского училища не получал жалования два месяца, то же самое и учительница болтинского училища.

По частным сведениям в таком же положении находятся почти все учителя и учительницы земских училищ, содержимых, главным образом, на средства земства... На крайне стесненное положение учителей и учительниц, вследствие неполучения жалования, я лично обращал внимание господина председателя училищного совета и земской управы С. А. Шипи-

---

* Средства таких касс составлялись из вычетов, производимых из содержания служащих, процентов с неприкосновенных капиталов и случайных поступлений.

лова, который задержку учительского жалования объяснил отсутствием у земства наличных средств».*

О том, как «заботились» земские чиновники о культурных нуждах народа, говорит следующий факт: 1 декабря 1906 года николаевское чрезвычайное земское собрание обсуждало вопрос об открытии в уезде нескольких школ грамоты. Гласный Генниг решительно высказался не только против открытия новых, но он требовал ликвидации уже существующих школ. Другой гласный Лятошинский вообще высказался против насаждения в народе низшего образования. Единственные школы, которые стоило открывать, по его мнению, это церковные, так как «народ русский привык связывать школу с церковью».

Известный самарский богач Челышев, состоявший гласным самарского уездного земского собрания, выступил на заседании 9 ноября 1906 года с целой декларацией, направленной против народного образования:

«У нас, — говорил он, — часто школы служат больше не просветительным задачам, а разврату. Часто учителя по своим религиозным и политическим убеждениям совершенно не подходят к убеждениям сельского населения... Одна учительница вместо того, чтобы заниматься своим делом, распространяла среди населения прокламации». **

Судя по таким высказываниям, можно себе представить, какую помощь получала школа от земства.

15 ноября 1913 года самарское уездное земство приняло решение не выдавать учителям земских школ пятилетней периодической прибавки. Сэкономив на прибавке учителям, земское собрание одновременно постановило повысить оклад председателю уездной управы до четырех тысяч рублей, «принимая во внимание все увеличивающуюся дороговизну жизни».

Обсуждая вопрос об организации внешкольного образования, самарское уездное земство высказалось за открытие внешкольных учреждений, но с одной «маленькой» оговоркой — деньги на это мероприятие не отпускать. Зато, когда рассматривался

* Ульяновский государственный архив, фонд № 18, дело № 1237, лист 33.
** Газета «Волжское слово», 12 ноября 1906 г.

вопрос об ассигновании средств на строительство ялтинского санатория для чинов полиции, гласный Грачев высказался за отпуск необходимых сумм, так как «это дело является глубоко патриотическим».

В особенно тяжелых условиях находились национальные школы. В Бугурусланском уезде татарские школы влачили жалкое существование. 28 октября 1913 года гласный уездного земского собрания Хакимов рассказал, в каких ужасающих условиях находятся эти школы:

«До 1907 года земство не давало на эти школы ни одной копейки, тогда как почти на-половину уезда население татарское, которое с основания земства, вот уже скоро 50 лет, платило земские сборы наравне с прочими плательщиками, получая взамен гораздо меньше. С 1907 года татарским школам начали назначать небольшое пособие, никогда, впрочем, не превышавшее 1% сметы». *

Бугурусланское земство в 1913 году тратило в среднем на каждого ученика татарских школ 22 коп. в год.

Тяжелое положение школ, бездушное отношение земских гласных к нуждам учебных заведений дало повод одному доморощенному поэту напечатать в газете «Сызранское утро» стихотворение «Разбитые мечты» .

Земскую управу о ремонте летом
Все просил учитель... долго ждал ответа...
Развалилась печка, так и жди пожара.
Не доходят двери, холодно, угарно...
Но прошло все лето... вот ответ приходит.
На ремонт управа средств, мол, не находит...**

Так же «заботились» о народном образовании и органы городского самоуправления. В делах симбирской городской думы за 1873—1875 гг. сохранилось два любопытных документа: ведомость на выдачу жалования учителям городских школ и книга выплаты содержания городскому голове и членам управы. Весь персонал приходских училищ — два учителя,

* Газета «Волжское слово», 8 ноября 1913 г.
** «Сызранское утро» № 54, 3 октября 1909 г.

две учительницы, две надзирательницы, несколько сторожей — получил за январь 1873 года 164 руб. 32 коп., а городской голова Чебоксаров за этот же месяц — 250 руб. Средняя ставка городского учителя равнялась тогда 16 рублям! Однако были преподаватели, которые получали и того меньше. Помощница учительницы женской школы г. Симбирска Емельянова, с четырехлетним педагогическим стажем, получала... 6 руб. 66 коп. в месяц.

Городские самоуправления Симбирской губернии тормозили культурные мероприятия И. Н. Ульянова с таким же усердием, как и земство. Они также месяцами не платили жалования учителям, не ремонтировали школьные здания, мало отпускали средств на отопление, освещение, всемерно задерживали открытие новых школ и т. д.

В каком состоянии находилось, например, сызранское городское училище, можно судить из письма И. Н. Ульянова в сызранскую городскую управу 20 августа 1878 года:

«Из отчета инспектора народных училищ видно, что сызранское первое мужское училище помещается в высшей степени неудовлетворительно: классы состоят из трех смежных комнат, в которых только около $17^1/_4$ кубических саженей пространства. Принимая во внимание, что по самым скромным требованиям гигиены в классной комнате должно быть не менее половины кубической сажени на ученика для того, чтобы пребывание в классе не было вредным для здоровья, я нахожу, что в классах первого училища могло бы без вреда для здоровья обучаться 35 учеников, тогда как их учится втрое более, именно — 102 мальчика. Вследствие этого имею честь просить городскую управу поменять вредную для здоровья учеников квартиру для первого училища на более просторную к началу нового года, соответственно числу учеников, и о последующем меня уведомить в непродолжительном времени». *

В 1878 году встал вопрос об открытии в Симбирске прогимназии. Правительство отказалось отпустить на это деньги. Городская дума также «не нашла» необходимых средств, так

* Ульяновский государственный архив, фонд № 18, дело № 917, лист 38.

как «...предполагаемая к поступлению в настоящем году в доход города сумма распределена без остатка на удовлетворение необходимых расходов и город не имеет возможности принять участие в расходах по содержанию прогимназии в г. Симбирске».*

Между царским правительством и органами местного самоуправления как бы существовал молчаливый сговор в отношении финансирования учебных заведений. Как та, так и другая сторона старались отпускать средств на содержание школ как можно меньше.

В 1895 году женская прогимназия в г. Алатыре (Симбирской губернии) была доведена до развала. Попечительный совет прогимназии, прося помощи у губернатора, писал:

«Алатырская женская прогимназия согласно постановлению думы каждогодно получала от города содержание в размере 700 рублей, в настоящем же году городская управа, несмотря на неоднократные просьбы прогимназии, не только ничего не выслала на текущее содержание прогимназии, но состоит должной за прошлый 1894 год 185 рублей. Такое ненормальное положение...заставляет попечительный совет ходатайствовать... о понуждении Алатырской городской управы к немедленной высылке причитающихся на содержание прогимназии сумм»...**

В 1898 году самарская городская дума обсуждала вопрос об открытии в Самаре женского училища. Гласные высказались за открытие, но когда дело дошло до финансовой стороны, решение вопроса затормозилось. Городская дума обратилась в уездное земство с предложением взять половину расходов на себя. Однако земская управа ответила решительным отказом на том основании, что «проектируемая в Самаре женская школа без сомнения будет служить исключительно интересам одного лишь городского населения»... Проект об открытии училища был тогда похоронен.

Учителя симбирских городских школ обратились в конце

* Ульяновский государственный архив, фонд симбирской городской управы, дело № 1102, листы 11—12, 1876 г.

** Ульяновский государственный архив, фонд № 24, дело № 30, лист 1, 1896 г.

1905 года в городскую думу с ходатайством ввести бесплатное обучение. 18 января 1906 года это ходатайство было единогласно отклонено думой. Да и какого иного решения можно было ожидать от людей, видевших в развитии народного образования угрозу буржуазно-помещичьему строю!

***

Одной из обязанностей земских учреждений было оказание агрономической помощи крестьянскому населению. Однако и здесь было сделано очень и очень мало.

«Земство завело участковую агрономию, — писал один агроном, — не потому, что оно верит в нее и нуждается в ней, а для того, чтобы, как говорится, «не отстать от Европы».

В 1913 году было проведено обследование агрономической деятельности симбирского земства. Обследование выявило крайне неприглядную картину постановки агрономической помощи населению и бедственное положение земских участковых агрономов.

Земских агрономов было ничтожно мало. В Симбирской губернии один агроном обслуживал 65 сел, или 8260 крестьянских хозяйств. Естественно, что при таких условиях агроном был редким гостем в деревне. Вот, например, что писали крестьяне по этому поводу:

«Хотя агроном может оказать большую помощь крестьянам, но какая же нам польза, когда он в течение двух лет ни разу к нам не приезжал»*.

Крестьянин Алатырского уезда Титов писал, что «наше селение почти не знает, кто такой агроном и какая от него польза»**.

Придавленное нуждою, трудящееся крестьянство не имело никакой возможности воспользоваться советами агрономов, даже если бы они и чаще навещали села и деревни. Агрономические мероприятия были под силу лишь помещичьим и кулацким хозяйствам. Их то и обслуживала главным образом земская агрономия.

Нищенская оплата труда, полное невнимание к постановке

---

* Журнал «Земское дело», 1914 г., № 9, стр. 665.

** Там же.

агрономического дела, издевательство со стороны земских руководителей над агрономами, — все это приводило к повальному бегству агрономов из земских учреждений.

М. ГОРЬКИЙ РАЗОБЛАЧАЕТ САМАРСКИХ «ОТЦОВ ГОРОДА»

Обратимся теперь к деятельности земского и городского самоуправления в области охраны народного здоровья. И здесь было сделано ничтожно мало. Буржуазия и помещики больше заботились об интересах своего кармана, чем о здоровье народных масс.

7 ноября 1906 года в самарском уездном земском собрании обсуждалась смета расходов на медицинскую часть. Гласный Санин высказался за сокращение числа врачей в уезде, за уменьшение ассигнований на содержание лечебных заведений. Свое выступление он «подкрепил» следующим циничным заявлением: «Теперь год плохой и мужикам теперь объедаться не придется, а потому болеть меньше станут, а следовательно, и докторов можно меньше оставить». *

На этом же собрании было решено не производить ремонта в кошкинской больнице.

В ноябре 1913 года самарское уездное земское собрание обсуждало ходатайство крестьян села Царевщины об открытии фельдшерского пункта в селе. Гласный Верховский, высказываясь против открытия, заявил:

«Не так уже трудно крестьянам обращаться за медицинской помощью за 7 верст в село Курумоч. Недалеко от Царевщины, кроме того, Самара и село Красный Яр». **

Как самарская городская дума оберегала здоровье населения города, свидетельствует следующий любопытный факт. При городском приемном покое была аптека, которая находилась на содержании городской думы. Аптека должна была обслуживать прежде всего малосостоятельных жителей города. Однако расходы аптеки, связанные с бесплатным отпуском

* Газета «Волжское слово», 9 ноября 1906 г.

** Журнал уездного земского собрания от 13 ноября 1913 г.

лекарств, обременяли городскую кассу. 28 сентября 1895 года городская дума специально обсуждала этот вопрос. Гласный Слободчиков, жалуясь на недостаток средств, обратился к врачам с просьбой: «выписывать бедным по возможности недорогие лекарства».*

Сотрудничавший в те годы в «Самарской газете» Алексей Максимович Горький (он писал фельетоны под псевдонимом Иегудиил Хламида), узнав об этом факте, был страшно возмущен откровенным цинизмом господ Слободчиковых, хозяйничавших в городской думе. В «Самарской газете» появился гневный фельетон Горького о «попечителях» народного здоровья.

> «...лечение бедных от всех болезней непременно и только дешевыми лекарствами, эта премудрая штука и, надо думать, толкнет куда-нибудь престиж медицины в простом народе.
>
> Я представляю постановление введенным в жизнь и вижу:
>
> Ревматизм лечат касторовым маслом.
>
> Чахотку тоже касторовым маслом.
>
> Водянку опять-таки — касторовым маслом.
>
> Растяжение сухожилий — касторовым маслом.
>
> Это дешевое лекарство.
>
> Перелом костей будут склеивать свиным салом, при тифе поить малиной и т. п.
>
> Но самое дешевое — лечить бедных больных от всех болезней простой водой в разных порциях.
>
> Это уже совсем почти ничего не стоит». **

В 1907 году, в самый разгар эпидемии холеры, самарская городская дума постановила прекратить отпуск средств на борьбу с эпидемией. Городской врач Юшкевич не получил денег на приобретение дезинфекционных средств. Когда Юшкевич вторично направился к городскому голове Мясникову просить денег, последний обошелся с врачом самым грубым образом.

---

* Журнал самарской городской думы за 1895 г., стр. 561.

** «Самарская газета» и № 246, 14 ноября 1895 г.

Этот случай обсуждался в губернской исполнительной санитарной комиссии. Врач Крылов заявил, что «такое городское самоуправление является преступным в своих действиях, делу этому следует положить конец и негодную городскую управу заменить новой, а настоящую предать ответственности». Председатель комиссии, губернатор Якунин, резко оборвал Крылова, заявив, что эпитет «негодная» по отношению к городской управе недопустим. Узнав о выступлении Крылова, городская управа обратилась к губернатору с просьбой «возбудить против врача Крылова уголовное преследование за нанесенное управе оскорбление».

Старая Самара славилась на всю Россию своей грязью и пылью. Самарская «гигиена» вошла даже в поговорку. В местных газетах печаталось по этому поводу много статей и фельетонов, но все они только констатировали факты, не рискуя указать пальцем на виновника этих возмутительных безобразий. И только Горький в целом ряде фельетонов бичевал городскую думу и управу за антисанитарное состояние города. В «Самарской газете» 28 октября 1895 года Горький писал:

«В настоящее время, когда в Самаре развиваются различные заразные болезни, вполне уместно отметить нашу неряшливость и неопрятность, хотя едва ли разговоры на эту тему заставят городскую управу почиститься и помыться.

Ей уже в привычку слышать указания на ее халатность, она столько их слышала, что более не интересуется ими и продолжает пребывать глухой, слепой и немой в ответ на скорбный вопль обывателя, утопающего в грязи. Но все-таки считаю нужным набросать в поучение ей несколько антисанитарных пейзажей...»

Горький рисует «прелести» самарских улиц: навоз, невообразимую пыль, вонь. Вот, например, как выглядел самарский базар в описании Горького:

«... съестной ряд, сплошь засоренный органическими отбросами, аромат гниения которых заглушается только... близостью выгребной ямы, до краев наполненной разной разлагающейся гадостью, создающей прекрасную и удобнейшую среду для раз-

вития микроорганизмов, порождающих инфекционные заболевания».

Прошло много лет, но самарская «гигиена» продолжала пребывать в том же положении. Вот описание самарского базара в 1913 году в официальном документе — докладе самарского губернского ветеринарного инспектора Ефимова:

«Площадь базара загрязнена навозом, в дождливое и сырое время поверхность площади сплошь покрыта зловонными лужами жидких нечистот. Те же нечистоты, пропитывая собой почву в жаркое летнее время, служат источником образования зловредной пыли». *

Санитарное состояние Симбирска было не лучше. Отсутствие со стороны городской думы какой бы то ни было заботы об улучшении санитарного состояния города привело к тому, что Симбирск занимал одно из первых мест в России по смертности населения — 40 смертей на 1000 человек **. Удаление нечистот в городе производилось самым примитивным способом. Дума не заботилась даже о том, чтобы снабдить ассенизационный обоз закрытыми бочками. Нечистоты сваливались на южной и юго-восточной окраинах города. При малейшем ветре по всему городу распространялся зловонный запах.

***

Самарская дума мало заботилась о городском хозяйстве. На водопровод, канализацию, освещение, городской транспорт тратились ничтожные суммы.

Долгое время в Самаре не было водопровода. Тридцать лет длились споры о том, нужно или не нужно его строить. Впервые вопрос был поднят еще в 1856 году после ряда грандиозных пожаров, происходивших в 1848—1854 годах. Только в 1864 году городская дума утвердила план постройки водопровода и отпустила на это 70 000 рублей, а 5 июня 1865 года были объявлены торги на сдачу строительства. Казалось, вопрос можно было считать решенным, однако это было далеко не так.

---

* Газета «Волжское слово», 31 декабря 1913 г.
** Журнал «Городское дело» № 6, 1910 г., стр. 361.

Влиятельная группа гласных выступила против строительства водопровода. «Жили наши деды и отцы без водопровода, поживем как-нибудь, с божьей помощью, и мы» — вот нехитрая «философия» этих господ. Причина их противодействия была известна всем: некоторые гласные зарабатывали немало денег тем, что устраивали зимой проруби на Самарке и Волге для водопоя лошадей многочисленных крестьянских обозов.

Долгое время эта «антиводопроводная партия», как ее называли в Самаре, тормозила строительство водопровода, и только в 1886 году водопровод был построен. Обслуживал он только центральные районы города.

10 августа 1907 года в городской думе обсуждался вопрос о проведении водопровода на окраине — в поселке Новый Оренбург. Гласный Кожевников категорически высказался против этого предложения. Он заявил:

«Жители Нового Оренбурга не нуждаются в питьевой воде, у них она имеется и гораздо мягче, чем водопроводная, — это вода из реки Самарки повыше Колесникова оврага». *

Другой гласный Шишкин также высказался против строительства водопровода в Новом Оренбурге, «попутно» он потребовал выселить оттуда жителей:

«Вблизи косы у амбаров имеется водоразборный кран, каковым жители могут пользоваться, но так как жилища их находятся в невозможных санитарных условиях и поселились они там самовольно, то городу следует просить администрацию выселить этих обитателей из их жилищ». **

В самом деле, зачем строить водопровод, когда проще выселить самих жителей! В результате прений появилось следующее постановление:

«Городская дума, согласившись с высказанным мнением, решила водопровод в указанных местах не устраивать». ***

---

* Дело № 848 самарского губернского по земским и городским делам присутствия, лист 10, 1907—1910 гг.

** Там же.

*** Там же.

Такое же «рвение» проявила самарская городская дума и в отношении благоустройства мостовых и тротуаров. На главных улицах, где жили богачи, были кое-какие следы благоустройства, что же касается окраин, то хозяева города считали всякое благоустройство там недопустимой роскошью. Горький писал об этом в одном из своих фельетонов:

«...Решено — мостовые в частности необходимы, но вообще они — роскошь.

«Какие-нибудь Сокольничьи и Ильинские улицы» — могут прекрасно прожить и без мостовых.

Мостовые на этих самых несчастных улицах даже вредны, ибо благоустройство их сложится на крестьянина, который тут совсем уж ни при чем.

Он провозит в город редьку, репу, брюкву и иные свои мужицкие продукты и должен за провоз сих фруктов жертвовать грош в пользу города, на мостовые...

Нужно пожалеть крестьянина и его грош.

И затем, нужно пожалеть потребителя, ибо «мостовой» грош увеличивает стоимость продукта.

Пусть же крестьянин ездит со своим возом по ступицу в грязи, а житель «каких-нибудь» улиц валандается в своей стихии, как ему угодно —

Хочет — вязнет по колено в грязи, хочет — по шею.

С точки зрения биржевой комиссии такого положения дел требует политическая экономия.

Грешный человек, мне эта экономия кажется не политической, а дипломатической.

Крестьянин в ней есть только аргумент в пользу купца, которому совсем не хочется дать грош на мостовую для каких-нибудь Вознесенских и иных улиц.

...Ох, не платили бы просто, без ссылки на крестьянина.

— Не желаем, мол! Мы на мощеных улицах живем, а другие прочие как знают»...*

В непролазной грязи, задыхаясь в пыли, без воды и света жили окраины Самары и Симбирска. Там оседали люди, у

* «Самарская газета», 10 октября № 217, 1895 г.

которых не было средств платить за квартиру в центральных районах города. Беспросветная нужда, нищета и лишения были уделом жителей окраин. Самарская печать обходила молчанием больные вопросы «Третьей части», как официально именовалась окраина города.

Горький нарушил это молчание:

«За последнее время мне часто приходится бывать в третьей части...

На меня наводят уныние ее улицы, здания, жители и их быт.

Дома — серые, сутулые, подслеповатые, сырые, пропитанные многой скорбью их жителей, изнывающих в заботах о куске хлеба и о продлении своей жизни, всецело состоящей из труда, несомого ими в поисках за трудом».

Подытоживая свои впечатления, Алексей Максимович с горечью писал:

«...Свиньи в третьей части гораздо лучше людей, — полнее, здоровее, беззаботнее.

Для свиньи, видите ли, там есть вполне подходящие условия существования — много грязи и всякой дряни на улицах...

Людям третьей части долго не дождаться тех удобств, которыми окружена свинская жизнь». *

Купеческая дума Самары все же «вспомнила» об окраинах. В один прекрасный день дума обнаружила «похищение» городской земли: несколько десятков бедняков построили далеко от центра города свои хибарки, не предупредив об этом думу и не заплатив соответствующей аренды. И вот 2 ноября 1895 года городская дума разбирала вопрос о «самовольном захвате» городской земли. Большинство гласных высказалось за немедленный снос домов бедняков. Хлеботорговец Буслаев заявил:

«Нельзя допускать, чтобы пришлые люди самовольно занимали городскую землю, иначе у города не останется ее для эксплоатации, и городские доходы иссякнут».

---

* «Самарская газета», 22 сентября 1895 г.

Купец Лавров поддержал Буслаева, но высказал опасение, что выселение бедняков «прибавит в городе количество нищих и порочных людей». *

В конце концов городская дума решила снести дома «самовольных» застройщиков. В это дело вмешался ненавистный самарским купцам Алексей Максимович Горький. Он вступился за бедняков, которых дума хотела лишить крова. Заступничество Горького спасло самарскую бедноту от разорения.

Шли годы. На центральных улицах города появились некоторые признаки благоустройства, а на окраинах оставалось все по-старому. Большевистская газета «Заря Поволжья» 9 февраля 1914 года в статье «Пасынки города» писала:

«Далеко от центра города на отшибе лежит мещанский поселок. Его образовала... городская беднота, страдавшая от дороговизны квартир...

Огромный поселок до сих пор не имеет воды. В холод и ненастье жены обитателей поселка вынуждены тащить на себе за версту, за две ведра с водой, иные роют во дворах ямы и пьют просачивающуюся в них сквозь зараженную почву воду от дождей и тающих снегов. Болеют от недостатка питьевой воды. Что до этого думе?

В поселке нет мостовых, в распутицу ничего нельзя привезти, нет даже переходов, и детвора теряет в грязи книжки и тонет буквально, пробираясь в школы.

Нет освещения, нет охраны, и с наступлением темноты жители опасаются выходить из домов, чтобы не подвергнуться грабежу и насилию.

Нет санитарного надзора, и кучи навоза и всяких отбросов гниют на улицах, заражая воздух.

Тяжела, невыносимо тяжела жизнь городской бедноты на окраинах».

В таком положении находилась окраина большого губернского города за три года до революции.

---

* Журнал самарской городской думы, 1895 г., стр. 641.

ТРАКТИРЫ И ЦЕРКВИ ВМЕСТО ШКОЛ И БОЛЬНИЦ

Самые необходимые нужды населения городские и земские самоуправления оставляли без внимания, но зато они усердно занимались насаждением религиозного мракобесия, темноты и невежества. Когда бугульминским земским собранием обсуждался вопрос о проведении в уезде телефонной сети, гласные предлагали не торопиться с этим делом. Один гласный даже заявил, что в Бугульминском уезде телефон понадобится не раньше, как через 50 лет. Но совсем иначе относились земство и городское самоуправление к строительству церквей и открытию трактиров.

В декабре 1895 года самарская городская дума обсуждала вопрос о дальнейшем расширении количества трактиров. В прениях гласные высказались положительно. Неудивительно поэтому, что в Самаре из года в год росло число трактиров и кабаков. В 1906 году в городе насчитывалось 196 питейных заведений.

15 июля 1898 года самарская городская дума слушала заявление ктитора кафедрального собора, крупного купца Шихобалова, о необходимости «снабжения собора частицею мощей святого Алексея, митрополита Московского и об учреждении ежегодно крестных ходов 12 февраля и 20 мая». Депутат от духовного ведомства, поп Ястребов, заявил:

«...Просить святейший синод об уделении частицы святых мощей святителя Алексея дума может, ибо это будет сделано для укрепления веры в гражданах и в духовное их утешение».*

22 октября 1910 года алатырская городская дума обсуждала «важный» вопрос «об открытии мощей схимонаха Вассиана, почивающих под спудом в алатырском свято-троицком мужском монастыре» и вынесла следующее решение:

«Собрание думы... признало, что 22 факта зарегистрированных чудесных исцелений при гробе схимонаха Вассиана относятся в большинстве случаев к людям, живущим в г. Ала-

---

* Дело № 913 самарской городской управы, 1898—1899 гг.

тыре и всем известным, и это обстоятельство особенно важно, как устраняющее всякие сомнения в чудодейственной силе останков Вассиана,... а потому уполномочило управу ходатайствовать о канонизации останков угодника божия схимонаха Вассиана». *

Городские думы поддерживали не только церковь и трактиры, они поощряли и проституцию. В куйбышевском областном историческом архиве хранится любопытное дело самарской городской управы «о выборе комиссии для пересмотра правил о надзоре за проституцией в г. Самаре». Девять лет занималась эта комиссия пересмотром правил. Девять лет шли совещания по этому вопросу, и почти каждое выступление гласных свидетельствовало о самом подлейшем отношении к женщине, о желании узаконить торговлю «живым товаром» и предоставить максимальные льготы содержателям домов терпимости. В конце концов эти правила были выработаны и утверждены. Они были столь возмутительны, что даже министерство внутренних дел не утвердило их. Стоит отметить, что в Самаре было 14 зарегистрированных публичных домов.

Интересно привести несколько примеров из деятельности органов самоуправления в деле так называемого призрения. В дореволюционной Самаре было очень много нищих. Для того чтобы они не мозолили глаза господам гласным, городская дума создала комиссию «для разработки вопроса об искоренении нищенства в городе Самаре». В комиссию вошли самые богатые люди города: Буслаев, Кожевников, Арефьев, Новокрещенов, священник Ястребов и другие. Комиссия пришла к выводу, что искоренения нищенства лучше всего можно добиться при помощи... полицейских. Нищие, появляющиеся на улицах, подлежали аресту. Для преследования их комиссия предложила думе нанять специальных людей.

В 1886—1887 годах в Самаре были большие пожары, от которых пострадала главным образом беднота. Оставшись без крова, погорельцы обратились за помощью к городской думе. Дума пожертвовала погорельцам... 200 рублей, одновременно

* Ульяновский государственный архив, фонд № 24, дело № 36.

она ассигновала на сооружение памятника Александру II 71 605 рублей.

В 1909 году общество самарских врачей ходатайствовало перед думой об отпуске средств на открытие детского санатория. Бюджетная комиссия городской думы «не нашла возможным высказаться за ассигнование чего-либо, ввиду того, что смета сведена с дефицитом и кредита на подобного рода подробности не имеется». А на такую «подробность», как открытие памятника «почетному гражданину» Самары, купцу Шихобалову, деньги нашлись.

Органы городского и земского самоуправления собирали с населения большие налоги, но очень часто деньги эти бесследно исчезали. Городская касса Новоузенска была всегда пуста, несмотря на то, что город имел большие доходные статьи. Даже уездный исправник в секретном донесении самарскому губернатору писал по этому поводу:

«По моему мнению это произошло потому, что городское самоуправление заботилось только о своих личных интересах или интересах отдельных лиц, и особенно влиятельных выборщиков». *

Конечно, от населения подобного рода сведения держались в секрете. Но жульнические операции часто принимали такие размеры, что о них узнавали широкие массы. Кто, например, не знал, что гласный самарской городской думы Чекмарев обворовывал городскую казну!

Староста пригорода Сергиевска (Самарской губернии) Осипов бесконтрольно расходовал общественные деньги. В течение шести лет, с 1907 по 1913 год, он никому не давал отчета в приходе и расходе этих денег. Всем было известно, что Осипов ворует, но он был неуязвим. Наконец после многочисленных жалоб жителей Сергиевска, в сентябре 1913 года была получена санкция самарского губернатора заслушать на публичном собрании гласных отчет Осипова.

На собрании выявилось преступное отношение Осипова к городским средствам. Казалось, карьера его окончилась. Но он, не падая духом, обратился к гласным со следующими словами:

* Дело № 566 самарского губернского по земским и городским делам присутствия.

— Какими глазами вы будете на меня смотреть, если признаете мои расходы неправильными?

Эти слова произвели магическое действие, и гласные решили признать действия Осипова... правильными.

Богачи обычно уклонялись от уплаты земских и городских сборов. В свое время Горький писал о «миллионерах-недоимщиках», которые систематически, из года в год сами не платили причитающихся с них сборов, но с огромным усердием собирали налоги с городской бедноты.

«Заметьте, — писал Горький,— чем крупнее состояние недоимщика, тем солиднее сумма его недоимки.

Один почтенный гражданин не платил городу денег 40 лет.

Своего рода подвиг.

Совершенно обычное дело — не платить ни копейки городских сборов в течение 20 лет...

Я — миллионер, не препятствуй моему нраву.

А наш господин лорд-мэр* по родству с господами толстосумами им мирволит.

К нему обращаются с вопросом:

— Толстосумов-Тугоумов не платит городских сборов с 1812 г. Прикажите послать ему окладной лист в этом году.

— Не приказываю! — кратко режет лорд-мэр.

Ну, еще бы приказать!

Можно ли пойти противу родного человечка?

И родной человечек, и лорд-мэр одному богу молятся, богу, имя коего — рубль».**

«Толстосумовы-Тугоумовы» переносили в органы самоуправления свои купеческие, хамские нравы. Кто из старожилов Самары не помнит многочисленных скандалов, учиненных городским головой Челышевым в думе. Выгнать просителя, оскорбить его действием для Челышева ничего не значило. Все ему сходило с рук. Огромные богатства, накопленные им путем грабежа крестьянских земель, сделали его неуязвимым для «правосудия».

* Так иронически Горький называл самарского городского голову.
** «Самарская газета» № 268, 13 декабря 1895 г.

ЗЕМСТВА И ДУМЫ — ОПОРА САМОДЕРЖАВИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Органы земского и городского самоуправления вели борьбу с революционным движением. Они не раз доказывали свою преданность самодержавию. В период подъема революционной волны земства и думы открыто становились на сторону реакции и помогали царскому правительству громить рабочие организации.

В куйбышевском историческом архиве сохранилось немало дел самарской городской думы «с изъявлением верноподданнических чувств» по тому или иному случаю. Получив известие об убийстве Александра II, городская дума решила поставить ему памятник на Алексеевской площади и повесить в зале городской думы икону с «неугасимой» при ней лампадой. А сколько сиятельных князей и графов получили по милости самарской городской думы звание «почетных граждан» города Самары! 14 апреля 1881 года звание это получил «светлейший» князь Горчаков. Известный мракобес Горемыкин удостоился этого звания 15 октября 1898 года. Получили звание почетных граждан и самарские толстосумы — Челышев, Шихобалов, братья Соколовы и др.

В революцию 1905 года большинство деятелей земских и городских самоуправлений активно поддерживало царизм. Симбирское земство не за страх, а за совесть помогало жандармам и полицейским подавлять революционное движение. Губернское земство не принимало на службу лиц, участвовавших в революционном движении или даже состоявших членами какого-либо профессионального союза. После «манифеста» 17 октября 1905 года в помещении симбирской губернской земской управы проходили революционные митинги и собрания. Это вызвало среди большинства гласных земства возмущение. При обсуждении этого вопроса гласный Мотовилов заявил:

«Мы здесь видим портрет государя. Между тем я слышал, что здесь во время митинга развевались революционные флаги и раздавались крики: «Долой самодержавие», «да здравствует,

кажется, республика». Я не знаю, кому приятны такие вещи. Мне они неприятны». *

Земский ветеринарный врач Р. был уволен за участие в митинге. Вопрос об увольнении врача обсуждался 26 января 1906 года. Большинство гласных высказало свое недовольство тем, что губернская управа допустила прием на службу таких людей. Один из гласных, некто Сабинин, при этом сказал: «Мы призваны не для того, чтобы поддерживать представителей крайних революционных партий».

В октябре 1905 года симбирская городская дума образовала «комитет общественной безопасности». Этот комитет по мысли руководителей думы должен был оказывать поддержку царским властям, «оберегать» порядок. О «деятельности» этого комитета можно судить по следующим отрывкам из протокола его заседания, состоявшегося 27 октября 1905 года:

«Член комитета Яковлев входит на кафедру и поет «боже царя храни», а затем говорит: «Господа, я всегда любил и молился за царя. Хотя у всякого человека есть недостатки, но все-таки наш царь добрый. Я не сочувствую забастовке...»

Самарская городская дума во время событий 1905 года возбудила ходатайство об усилении состава полиции и ассигновала большие средства на содержание казаков.

После убийства Столыпина самарская городская дума постановила переименовать Почтовую улицу (ныне Рабочую) в Столыпинскую, поставить памятник Столыпину на одной из лучших площадей города, ассигновав на это 10 000 рублей. Не пожалели денег на увековечение памяти Столыпина бугульминское, ставропольское и другие уездные земские собрания Самарской губернии.

Во время мировой империалистической войны земские и городские самоуправления выступили за безоговорочную поддержку войны. Был организован «союз земств и городов», объединявший в своих рядах городскую и деревенскую буржуазию, заинтересованную в ведении империалистической войны.

Контрреволюционная роль земства и городских дум особен-

* Вестник симбирского земства, 1906 г., стр. 56.

но резко проявилась в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и в годы гражданской войны.

После свержения самодержавия самарской городской думой был организован «временный городской комитет безопасности», переименованный впоследствии в «комитет народной власти». В этот комитет вошли представители буржуазии. Комитет и дума всеми мерами старались задержать развитие революции. Они стали центром всех контрреволюционных сил.

Свою деятельность «комитет народной власти» начал с того, что освободил из тюрьмы бывшего самарского губернатора князя Голицына, полицеймейстера Крокосевича и других представителей царской администрации, которые были арестованы восставшим народом в первые дни Февральской революции.

Когда крестьяне Красной Глинки захватили землю, принадлежавшую ранее городской думе, руководители последней — кадеты Кудрявцев и Елшин выступили за принятие крутых мер против «захватчиков». Некоторые гласные требовали даже посылки солдат для расправы с крестьянами. Когда в Самаре был получен циркуляр министра внутренних дел Церетели «о борьбе с неорганизованными земельными захватами и самочинными осуществлениями земельной реформы», городская дума в лице своих гласных — кадетов, меньшевиков и эсеров приветствовала этот циркуляр и высказалась за поддержку Временного правительства.

В период корниловского мятежа самарская и симбирская городские думы вели среди населения контрреволюционную агитацию, натравливая его на большевиков.

В первые дни после Великой Октябрьской социалистической революции городские думы активно выступили против новой власти. Самарская дума образовала «комитет общественной безопасности», в который вошли кадеты, эсеры и меньшевики. Комитет выпустил антисоветскую листовку, призывая жителей Самары не подчиняться распоряжениям советской власти. Самарский совет рабочих и солдатских депутатов, заслушав

доклад тт. Куйбышева и Шверника об организации «комитета безопасности», вынес следующее решение:

«Организация так называемого «Комитета общественной безопасности» со стороны кучки противников передачи власти Советам является попыткой дезорганизовать революционные массы Самары, желанием противопоставить их друг другу и довести их до гражданской войны; собрание протестует против всех этих попыток и требует от Революционного Комитета энергичной борьбы со всякими дезорганизаторскими выступлениями врагов власти Советов».

15 ноября 1917 года «комитет общественной безопасности» принял решение об организации политической забастовки в знак протеста против большевиков. Одновременно было принято решение не признавать власть ревкома и создать еще одну организацию для руководства антисоветской работой — «комитет спасения родины и революции».

20 ноября председатель ревкома т. Куйбышев обратился к председателю городской думы со следующим заявлением:

«Революционный комитет, сознавая грозность положения городского хозяйства и возможность возникновения волнений на почве неудовлетворения нужд некоторых слоев населения (солдаток, городских служащих и т. д.), обратился к гор. управе через своих представителей с предложением совместного изыскания средств путем проведения принудительного займа. Гор. управа отвергла предложение Ревкома. Находя положение городских финансов катастрофическим, Ревком просит вас... поставить на повестку ближайшего заседания гор. думы вопрос об изыскании средств для удовлетворения нужд беднейших слоев населения».

Обсуждение этого предложения состоялось в городской думе 3 декабря. Конечно, большинство гласных резко выступило против займа. Присутствовавший на заседании т. Куйбышев в ответ на вопли представителей буржуазии, что у них нет денег, заявил: «принудительный заем может дать больше, чем местная буржуазия дала оренбургским казакам». (Речь шла о денежной поддержке самарской буржуазией оренбургского контрреволюционного казачества.) Отказывая в проведе-

нии займа, городская дума продемонстрировала перед всеми трудящимися истинное свое лицо. Что касается принудительного займа, то он был проведен ревкомом вопреки противодействию думы. После этого городская дума стала формировать отряды милиции, вербуя в них контрреволюционное офицерство. Однако эта попытка окончилась плачевно для думы: постановлением ревкома милиция была разоружена и разогнана.

Симбирская городская дума вела такую же контрреволюционную борьбу с советской властью, как и самарская. 15 ноября 1917 года дума вынесла резолюцию, приветствовавшую антисоветские выступления московской и петроградской городских дум: «Пусть московская и петроградская думы, — говорилось в этой резолюции, — знают, что их поддержат все избранные местные самоуправления». В этот же день городская дума обратилась к населению Симбирска с призывом выступить на борьбу против советской власти.

После роспуска петроградской и московской городских дум симбирская городская дума на своем заседании 23 декабря 1917 года вынесла протест «против незаконных действий Совета Народных Комиссаров».

В начале 1918 года решением советского правительства буржуазно-помещичьи органы земского и городского самоуправления были ликвидированы. Однако они отказались подчиниться постановлению рабоче-крестьянской власти. Ставропольское уездное земское собрание упорно не хотело прекратить свою деятельность, и только после принятия соответствующих мер постановило «временно разойтись». Однако оно продолжало свои заседания в подполье.

Самарская городская дума тоже вынесла решение не подчиняться постановлению советской власти и не слагать своих полномочий. Такое же решение приняла николаевская уездная земская управа, причем дворяне, засевшие в земстве, вступили на путь открытой подготовки контрреволюционного мятежа. Честь разгона этого земского собрания принадлежит славному герою гражданской войны — В. И. Чапаеву.

Симбирская городская дума вынесла решение: «принимая во

внимание, что дума, лишенная главного исполнительного органа — управы, не может нести ответственности за целость городского хозяйства, объявляет об этом населению, но обязанностей своих не слагает».

Контрреволюционные попытки органов городского и земского самоуправления были однако сломлены твердой рукой советской власти. Земство и городские думы прекратили свою деятельность. Буржуазно-помещичье самоуправление, как враждебное советскому строю, было сметено могучим вихрем Октябрьской революции.

И только после захвата Самары и других приволжских городов интервентами и белогвардейцами временно восторжествовавшая контрреволюция восстановила земство и городские думы, которые стали послушным орудием в руках иностранных захватчиков и белогвардейского командования.

Интересен следующий эпизод: один из гласных самарской думы на заседании 19 июля 1918 года внес «внеочередной» запрос — куда делся киот с иконой, обыкновенно находившийся в думском зале. Эсеры и меньшевики, хозяйничавшие в думе, поспешили водворить киот на место.

Чем же занимались органы самоуправления под сенью белогвардейско-эсеровской учредилки? Самарское уездное земское собрание решило всемерно поддержать организацию «народной» армии и объединиться «для защиты родины и свободы». В самарской городской думе была открыта запись в добровольческие офицерские отряды. Желая угодить интервентам, городская дума устроила в честь их торжественный спектакль в городском театре, причем городской голова А. М. Смирнов выступил с приветственной речью по адресу чехо-словацкого командования.

Восстановленные земские и городские органы не пользовались никаким авторитетом среди рабочих и крестьян. Этого не могли скрыть даже сами белогвардейцы. На областном земском совещании председатель самарской уездной земской управы Новиков вынужден был отметить «безотрадное явление», а именно: «полный индиферентизм сельского населения, обнаружившийся в деле переизбрания волостных земств».

— Быть может,— успокаивал Новиков,— это результат полевых работ, совпавших с временем перевыборов, но факт остается фактом: выборы почти не состоялись.

Другой выступавший по этому поводу оратор прямо заявил:

— Мне пришлось много беседовать с крестьянами. «Нам это ни к чему, — говорят крестьяне, — все это громоздко — дорого стоит. Староста, да писарь, как допрежь было — вот и предостаточно». Так говорят крестьяне и видно, эта мечта очень глубоко и крепко сидит в сознании крестьянства.

Но недолго пришлось трудящимся испытывать гнет власти помещиков и капиталистов и вновь восстановленных органов местного «самоуправления». Славная Красная армия разгромила интервентов и белогвардейцев. Закон Советского правительства о ликвидации буржуазно-помещичьих земских и городских самоуправлений снова воплотился в жизнь, и на этот раз навсегда. Ушли в безвозвратное прошлое хозяйничавшие в этих органах «Толстосумовы-Тугоумовы», о которых в свое время писал Горький. И на освобожденной от паразитов земле ярко расцвела счастливая и радостная жизнь народов СССР.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВЫБОРАХ В ЗЕМСТВО И ГОРОДСКИЕ ДУМЫ.

О городских выборах на 4-летие с 1909 года.

Объявление.

Самарская Городская Дума в чрезвычайном заседании 5-го марта 1909 года постановила: для выбора гласных в Городскую Думу на 4-летие с 1909 года назначить одно избирательное собрание. Таковое собрание, на основании 23 статьи Городового Положения и с разрешения г. Самарского Губернатора от 27 июля сего года за № 1252, Городскою Управою назначено в Воскресенье, 30 августа сего года, в доме потомственного почетного гражданина Якова Гавриловича Соколова, по Дворянской улице, где ранее помещалось Коммерческое Собрание.

Об этом Городская Управа имеет честь довести до всеобщего сведения, присовокупляя, что при производстве выборов будет установлен следующий порядок:

Избирательный зал имеет быть открытым для входа избирателей с 8 часов утра; поверка избирательных прав будет начата в 9 часов утра. Избирательное собрание откроется в 10 часов утра. Если кто либо из лиц, имеющих право непосредственного голоса или по доверенности, явится в избирательное собрание уже во время производства баллотировки, то лица эти к участию в выборах допущены не будут, также не могут быть допущены к выборам, на основании ст. 33 Город. Полож. лица, за коими числится недоимка по городским сборам свыше полугодового оклада сих сборов, если недоимка эта не будет внесена до наступления производства выборов.

Городской Голова *Мясников.*

Секретарь *К. Липаев.*

Список гласных Самарского уездного земского собрания на трехлетие с 1901 года

Алашеев Александр Сергеевич — дворянин
Головнин Николай Николаевич — дворянин
Грачев Алексей Дмитриевич — купец
Запесошный Евгений Ильич — дворянин
Кирьяков Федор Сысоевич — купец
Кисловский Николай Афанасьевич — дворянин
Кнорринг Николай Егорович — дворянин
Кнорринг Борис Николаевич — дворянин
Клюжев Иван Семенович — дворянин
Малкин Петр Иванович — мещанин
Меженинов Федор Степанович — дворянин
Мейзенгельтер Филипп Осипович — поселянин
Осоргин Владимир Владимирович — дворянин
Пустошкин Матвей Васильевич — дворянин
Ромадановский Владимир Константинович — дворянин
Смирнитский Василий Николаевич — дворянин
Соколов Иван Яковлевич — купец
Филекин Федор Самуилович — крестьянин
Хаяров Михаил Иванович — крестьянин
Чернышев Иван Афанасьевич — дворянин
Чернышев Ефим Иванович — купец
Шошин Михаил Михайлович — дворянин

Дело № 982 Распорядительного отделения Самарской Губернской Земской Управы.

Господину Бугурусланскому Уездному предводителю дворянства

Ваше высокородие!

Вам вероятно известно о наших выборах 27 февраля в гласные, печальные факты коих сообщаю: ошибка вышла в выборе председателя Алыбина. Я и очень многие считали его за толкового и делового человека, на деле же вышло наоборот. Он допустил в собрании торговлю местами гласных. Так один татарин деревни Алькиной в присутствии собрания, путем жеребьевки между выборщиками земского участка купил место гласного за деньги, заплатив каждому отступного. Такому примеру последовал еще один выборщик... Прошу не оглашать настоящее мое сообщение, дабы не было мести со стороны покупщиков мест. Для удостоверения сообщаемых фактов спросите Аманакского старшину и других выборщиков, пользующихся доверием вашего высокородия.

Вашему высокородию покорный слуга *И. Овсянников.*
28 февраля 1907 г.

Дело № 780 по выборам гласных бугурусланского земства на трехлетие с 1907 года.

Господину самарскому губернатору

На основании Городового положения для выборов в гласные назначено было общее собрание, согласно Вашего распоряжения на 10 июля с. г. К назначенному сроку прибыло избирателей в числе 316 человек. По проверке списков и началась баллотировка на шарах. Когда прошли шесть очередей, председатель собрания и. д. город. головы Арычкин увидел, что излюбленных его людей и сослуживцев число многое забаллотировано, а последние от страха от баллотировки отказались, тогда председатель, как имея власть, прикрыл заседание и просит собрание оставить зал около 6 часов вечера. Действительно недовольные своей забаллотировкой примкнули к этому и собрание было закрыто.

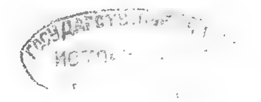
На 17-е июля собирается вторичное собрание, т. е. продолжение, и люди, забаллотированные на первом собрании, вновь баллотируются и выбираются большинством голосов. А почему?— Потому, собственно, что они всю неделю эту, забаллотированные и негодные для городского дела люди, ходили по избирателям и просили поддержать их, не было, конечно, и без угощения. Поэтому они и получили преимущество перед другими, а кроме того председатель вел дела со своим секретарем противозаконно, выкликали людей, более им известных.

Руководители собрания председатель и члены Управы Мясников, Сивинцев, они — родственная шайка, и, кроме того, избегают посторонних новых гласных.

Вследствие таких грубых проделок со стороны Управы при выборах на новое четырехлетие, считать эти выборы незаконными, почему Вашему превосходительству и докладываемся.

С почтением к Вам честные избиратели 10 и 17 чисел собраний.

19 июля 1905 года. Самара.

ОГЛАВЛЕНИЕ

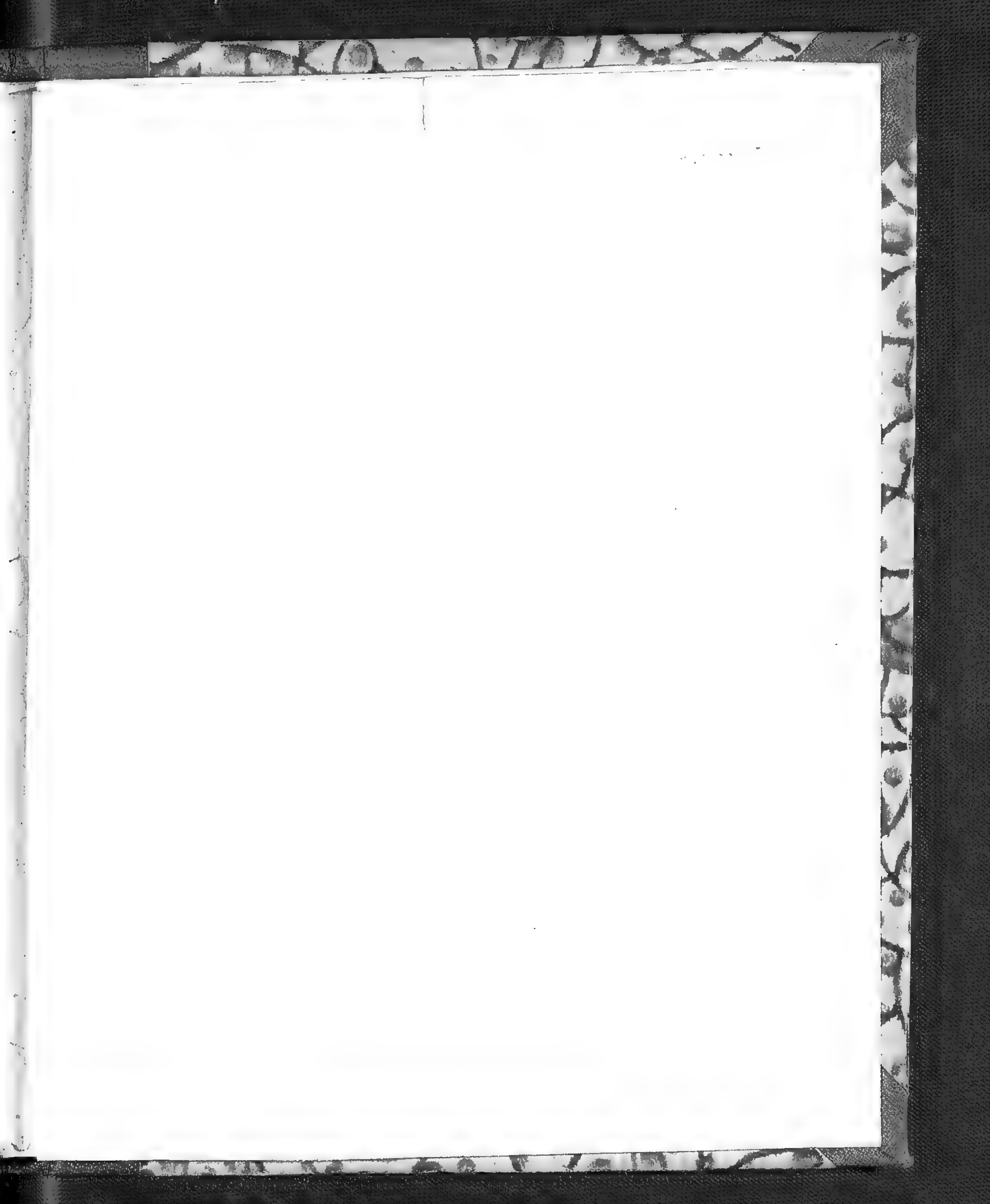
А. Шефер. Органы «самоуправления» царской России. Куйбышевское областное государственное издательство. 1939 г. Индекс II—2б. Изд. № 2905.

Редакторы: *Р. Гурвич, Д. Сергеев.* Технический редактор *Д. Вышковский.* Корректор *А. Ярошевская.*

Сдано в набор 9 октября 1939 г. Подписано к печати 25 октября 1939 г. Формат 70 × 108/32. Объем: 1 бум. л., 2 печ. л., 3,1 уч.-изд. л., 3,04 авт. л. 66304 тип. знаков в печ. л. Тираж 10 000.

Уполномоченный обллита К—12985. Цена книги 35 коп.

Типография им. Мяги треста «Полиграфкнига», ОГИЗ. Куйбышев, ул. Венцека, 60. Заказ № 2002.

35 коп.

10

